

**SALTYKOV-SHCHEDRIN STATE PUBLIC LIBRARY
PROCEEDINGS**

V (8)

★

**BIBLIOTHÈQUE PUBLIQUE D'ÉTAT SALTYKOV-CHTCHEDRINE
TRAVAUX**

V (8)

★

**SALTYKOV-SCHTSCHEDRIN ÖFFENTLICHE STAATSBIBLIOTHEK
SCHRIFTEN**

V (8)

★

**Leningrad
1958**

Министерство культуры РСФСР
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
имени М. Е. Салтыкова-Щедрина

ТРУДЫ

V (8)

Ленинград
1958

900-летие

ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛИЯ

Н. Н. РОЗОВ

ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ В ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

(150 лет хранения и изучения)¹

Одним из признаков высоко развитой культуры древнерусского государства являются многочисленные сведения о любви наших далеких предков к книге. Уже в начальной русской летописи — в Повести временных лет — мы находим и знаменитую похвалу книгам, в которой они называются «источниками мудрости», «реками, папаяющими вселенную», и сведения о любви русских людей к чтению, и сообщения о многочисленных богатых библиотеках.

«И бе Ярослав... книгам прилежа и почитая е часто в нощи и в дне. И собра писце многы и... списаша книги многы и списка...», — так описывается в летописи организация библиотеки князем Ярославом Мудрым.²

Однако до нашего времени дошло очень мало древнерусских книг; от XI века их сохранилось, например, не более 20 (включая отрывки). Частые пожары, при которых главным образом гибли «четыре книги» — книги для чтения, а не богослужебные (последние чаще хранились в каменных постройках — в церквах и монастырях), нашествия врагов и междоусобные войны XII—XV веков — всё это было причиной массовой гибели книг. Об этом также часто и не менее красноречиво говорят русские летописи.

Дошедшие до нас рукописные книги первых веков существования древнерусского государства запечатлели на своих листах образцы письменности, нормы орфографии, литературного языка своего времени, и в этом их огромное значение для науки. По своему оформлению эти книги сейчас являются настоящими памятниками древнерусского изобразительного искусства.

Наибольшее значение имеют для науки датированные старинные рукописные книги: с их помощью ученые-палеографы определяют «возраст» недатированных памятников письменности. В изучении же любого из таких памятников — будь то надпись на камне, черепке, юридический документ или книга — датировка является основным отправным моментом:

¹ Доклад, читанный на открытом заседании Ученого совета Государственной Публичной библиотеки, посвященном 900-летию Остромирова евангелия.

² Полное собрание русских летописей. Т. I, стр. 65 (в дальнейшем сокращенно ПСРЛ).

ученому нужно прежде всего с возможной точностью определить, какой именно этап развития письменности, языка и общественных отношений отражает данный памятник. В ряду древнерусских датированных книг первое место принадлежит Остромирову евангелию: это — самая старая из всех известных в настоящее время датированных русских книг.

Писец Остромирова евангелия — диакон Григорий — в конце книги, в просторном Послесловии сообщает, что написал эту книгу в 1056—1057 гг. по заказу одного из приближенных киевского князя Изяслава (сына Ярослава Мудрого) Иосифа-Остромира, которому было поручено управление Новгородской землей. Заказчик Остромирова евангелия является представителем одного из самых древних русских знатных владельцев родов: его дед — Добрыня — был близким родственником князя Владимира Святославича, крестившего Русь.

В недавно опубликованном исследовании, посвященном так называемой «Остромировой летописи», проф. Б. А. Рыбаков отмечает, что Остромир в 1056 г., будучи «в зените своей власти и славы», когда «он рассматривал свое посадничество в Новгороде почти как соправительство (с Изяславом. — Н. Р.)... заказал великолепное евангелие, написанное торжественным уставным письмом и с княжеской роскошью украшенное».¹

В книге — три больших, во всю страницу изображения евангелистов, красивые «заставицы» или «заставки» (рамки, которыми украшались начало текста и отдельных глав), богато орнаментированные заглавные буквы — «инициалы». Все это сделано яркими, нестареющими красками и чистым (накладным) золотом.

Изображения евангелистов в Остромировом евангелии выдержаны в стиле византийских книжных миниатюр IX—XI веков, но в них чувствуется попытка самостоятельной трактовки традиционных суховатых фигур. Евангелист Лука, например, изображен не сидящим и пишущим, но приподнявшимся со своего места, а евангелиста Марка художник посадил прямо на рамку, в которую заключено изображение, обойдясь без обычно рисовавшегося громоздкого кресла.

Более оригинальны и интересны инициалы Остромирова евангелия. В них сложный геометрический орнамент переплетается с лапами, когтями, клювами фантастических и существующих животных (особенно хороши многократно варьируемые головы собаки и крокодила), с человеческими лицами, умело вписанными (в профиль или в фас) в эти сложные переплетения. В выборе красок для инициалов обнаруживается большой вкус: гамма цветов мягкая, без резких переходов, ни одна краска не преобладает над другой. Очень умеренно, с тактом применено золото: оно оттеняет, подчеркивает, но не подавляет своим блеском цвета красок.

В технике миниатюр Остромирова евангелия и особенно в орнаментации его инициалов искусствоведы отмечают заметное влияние прикладного искусства — так называемой «перегородчатой эмали», распространенной в Киевской Руси, стоящей на грани живописи и ювелирного искусства. Все это делает Остромирово евангелие выдающимся памятником изобразительного искусства. И недаром один из докладов настоящей юбилейной сессии посвящен Остромирову евангелию как произведению искусства.

Роскошь оформления этой книги, очевидно, сразу же сделала ее знаменитой. Сохранилось, например, Евангелие XII в., переписанное для сы-

¹ «Вопросы истории», 1956, № 10, стр. 50.

на Владимира Мономаха князя Мстислава; образцом для миниатюр и орнаментации этой книги послужило Остромирово евангелие.

Последующие события истории нашей страны — междоусобные феодальные войны, войны с ближайшими соседями древней Руси (в одну из таких войн был убит Остромир), наконец, тяжелый период монголо-татарского нашествия скрывают судьбу старшей русской книги на целых шесть столетий. Есть основания лишь предположить, что Остромирово евангелие находилось в Новгороде,¹ откуда во времена походов Ивана Грозного или реформ патриарха Никона было вывезено в Москву.²

Первое документальное свидетельство о судьбе Остромирова евангелия после его написания относится лишь к 1701 г.

Переписчик имущества Воскресенской церкви Московского кремля остался, очевидно, равнодушным к скромной красоте старинной книги, понававшейся ему среди блиставших обилием золота и яркостью красок рукописных книг, изготовлявшихся мастерами Оружейной палаты, но обратил внимание на ее древность и отметил в своей описи год ее написания. Переписчик этой описи в 1720 г. скопировал уже Последование диакона Григория целиком;³ в это же время об Остромировом евангелии узнали в Петербурге, где собирали тогда, по приказу Петра I, материалы для написания русской истории. 3 ноября 1720 г. Остромирово евангелие было отправлено в Петербург, и этим ограничиваются известные в настоящее время сведения о попытке использования этой книги как исторического источника,⁴ а также сведения о местонахождении ее в XVIII столетии. Следы старшей русской книги в новой столице Российской империи вновь теряются на целых 85 лет, пока она не была совершенно случайно найдена среди платьев Екатерины II через 9 лет после ее смерти.

Обстоятельства находки Остромирова евангелия довольно любопытны и характеризуют отношение Екатерины II к памятникам русской старины. Они изложены в ответе Я. А. Дружинина (в прошлом — личного секретаря Екатерины II) на записку А. Н. Оленина, которую следует привести целиком.

¹ Обычная аргументация этого предположения — надпись скорописью XVII века «Софийское апракос» — не вполне достаточна. Софийские соборы были в это время не только в Новгороде, но и в Киеве, Вологде, Архангельске, Тобольске и, наконец, в самой Москве (отсюда — современное название Софийской набережной). Следует иметь в виду еще один широко известный факт: Новгород, счастливо избежавший татарского нашествия, сохранил вообще наибольшее количество известных в настоящее время старинных русских книг (об этом см. Волков Н. В. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков и их указатель. Памятники древней письменности. Вып. СХХIII. Спб., 1897).

² Бычков А. Ф. Остромирово евангелие. — «Санктпетербургские ведомости», 1859, № 9. В. С. Иконников предполагает, что Остромирово евангелие оставалось в Новгороде до конца XVIII в. Отсюда оно было взято гр. А. И. Мусиным-Пушкиным и поднесено Екатерине II (Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. I, ч. I. Киев, 1891, стр. 733).

³ Филимонов Г. Д. Дополнительные сведения об истории Остромирова евангелия. — В кн.: Летопись русской литературы и древности, издаваемые Н. С. Тихоновым. Кн. I. М., 1859, стр. 145—149 (отд. III). Публикация Г. Д. Филимонова была, очевидно, неизвестна В. С. Иконникову (см. предыдущее примеч.).

⁴ Ланской Н. С. К истории Остромирова евангелия. — «Русская старина», 1891, № 1, стр. 209—213. Последование диакона Григория в качестве исторического источника было использовано еще раз почти через 100 лет Н. М. Карамзиным для доказательства ошибки летописца в дате смерти Остромира. Исправление Карамзина признается современными историками. (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2. Спб., 1818, примеч. 114).

На небольшом листке бумаги рукой Оленина написано следующее:¹
 «Я. А. Дружинину и ответ его своеручный. 20 апреля 1806 г. Прошу покорнейше и препокорнейше, чтоб Вас по пустому не обременить, на следующие три или четыре вопроса категорически мне отвечать:

1. Когда, т. е. в какое время найдено бесподобное Евангелие Софейского Н (Новгородского. — Н. Р.) собора?

2. Где оно найдено?

3. Каким образом оно тут очутилось?

4. Не известно ли, кому оно прежде принадлежало или от кого оно поднесено?

Сделайте одолжение хоть коротенько мне отвечать.

Преданный Вам А. Оленин. Четверг».

Ответ Дружинина, написанный тут же, против вопросов Оленина, гласит:

«При осмотре, произведенном мною хранящегося в гардеробе покойной госуд. Екатерины II-я платья, нашел я в прошлом 1805 г. сие Евангелие. Оно нигде в описи и в приходе не записано и потому неизвестно, давно ли и от кого туда зашло. Вероятно, поднесено было Ея В-ву и отдано для хранения в комнаты Ея, а потом сдано в гардероб. Камердинеры и гардеробские помощники оставили его без уважения, и оно забыто».

Так, совершенно случайно, обнаружился заброшенный в царских покоях замечательный и редчайший памятник культуры древней Руси.

О находке Дружинина появилось коротенькое сообщение в отделе «Смесь» журнала «Лицей», в котором популярно излагалось, чем отличаются старинные начертания некоторых букв от современных, а о мшищах Остромирова евангелия было сказано, что их «живопись груба, но служит доказательством, что и в то время уже в ней упрежнялись».²

Прочитанная записка А. Н. Оленина Я. А. Дружинину является свидетельством уже не дилетантского, а серьезного, научного интереса к Остромирову евангелию. А. Н. Оленин был в то время достаточно известным археологом и знатоком древностей. В 1804 г. Академия художеств за «отменную привязанность к изящным искусствам и знание, сопровождающее оную», избрала его своим почетным членом, а в 1806 г. был опубликован солидный палеографический труд А. Н. Оленина — «Письмо о камне Тмутараканском».³ Появление в этом же году у Оленина интереса к «бесподобному», по его выражению, Остромирову евангелию не

¹ Публикуется в современной орфографии. Подчеркнутое в тексте — рукой Оленина (печатается курсивом).

² «Лицей», 1806, ч. 2, кн. 1, стр. 101. Заметка перепечатана в кн.: Козловский М. М. Исследование о языке Остромирова евангелия. СПб., 1885, стр. 4, примеч. 1.

³ В этой работе Оленин, сравнивая тмутараканскую надпись с другими памятниками древнерусской письменности, ничего не говорит об Остромировом евангелии; стало быть, до выхода в свет этой книги (а она вышла в начале 1806 г., что подтверждается датой дарственной записки на экземпляр, подаренном П. К. Сухтелю, — 13 апреля) Оленин не знал о находке Дружинина. Это наводит на мысль, что Остромирово евангелие было передано Александром I в Публичную библиотеку в марте или апреле 1806 г., и именно здесь его увидел Оленин.

В это же время и, вероятно, также от Оленина, об Остромировом евангелии узнал И. М. Карамзин. В письме к А. И. Тургеневу от 3 июня 1806 г. он писал: «...о древнем Евангелии я уже знал и на сей почте пишу к А. Н. Оленину, прошу у него маленькой выписки...» (И. М. Карамзин. Материалы для биографии. С примеч. М. П. Погодина. Ч. 2. М., 1866, стр. 39—40). Эту выписку Карамзин использовал во второй главе своей «Истории» (см. выше, стр. 11, примеч. 4).

является, таким образом, случайным. С 1806 г. старейшая русская книга, после 85-летнего забвения, уже не выходит из поля зрения исследователей.

Весь этот последний период, период изучения Остромирова евангелия, продолжающийся с различной степенью интенсивности до сегодняшнего дня, тесно связан с местом хранения памятника — Отделом рукописей Публичной библиотеки, который уже в 1805 г. открыл свои двери для посетителей и сразу же стал центром не только собирания и хранения, но и изучения сосредоточенных в нем письменных памятников старины, в первую очередь русских. Иначе и не могло быть уже потому, что во главе отдела последовательно стояли, сменяя друг друга, учась один у другого, такие известные палеографы-практики, как П. П. Дубровский, А. И. Ермолаев, такие крупные ученые, как академики А. Х. Востоков и А. Ф. Бычков, как наш современник член-корреспондент Академии наук СССР И. А. Бычков, прослуживший в Отделе рукописей свыше 63 лет.

Интересным, но мало еще известным является первый период изучения Остромирова евангелия в Публичной библиотеке, до выхода в свет в 1843 г. его печатного издания.

В Отделе рукописей хранится первая копия Остромирова евангелия, снятая, очевидно, сразу же после поступления его в Публичную библиотеку, чтобы не тревожить лишним раз драгоценную рукопись. Написана она на бумаге с филигранями 1805 г. Под переплетом этой рукописи была наклеена приведенная выше записка Оленина—Дружинина. По точности воспроизведения текста Остромирова евангелия — строка в строку, буква в букву, со всеми надстрочными знаками и пометами — копия не уступает печатному востоковскому изданию этого памятника и превосходит его факсимильные воспроизведения. Все это сделано рукою опытного палеографа, скорее всего А. И. Ермолаева.¹

В первой копии текста Остромирова евангелия сделана попытка отметить также особенности оформления книги: в начале подклеена маленькая записка с «Изыяснением»: «что линейками подчеркнуто, значит то в подлиннике написано красным; что точками — значит золотые литеры в подлиннике». Однако, основным назначением этой копии было послужить подспорьем для лингвистического изучения памятника, следы которого имеются тут же: к тексту Остромирова евангелия подведены различения с одним Евангелием XIV в., имеющим отчетливые черты новгородско-псковского говора.² Так, с самого начала, в Публичной библиотеке было намечено то основное направление изучения Остромирова евангелия, которое продолжается и развивается до настоящего времени: изучение его как памятника истории письменности и языка.

Первыми исследователями Остромирова евангелия в Публичной библиотеке были: А. Н. Оленин, ставший в 1808 г. ее директором, его постоянный наставник и помощник по части палеографии, хранитель «Депо

¹ Первая копия Остромирова евангелия (шифр Ф. 1. № 55) сходна по почерку, тождественна по переплету и надписи на нем с рукописью Ф. 1. № 295, являющейся копией с известного Сборника 1414 года, принадлежавшего А. И. Мусину-Пушкину. По этой копии, снятой А. И. Ермолаевым, П. И. Прейс собирался издавать Похвалу князю Владимиру. Н. П. Барсуков, опубликовавший эти сведения, уверяет, что Прейс ошибся, и ермолаевская копия никогда не была в Публичной библиотеке: она была приобретена И. И. Срезневским (Барсуков и Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 6. СПб., 1892, стр. 387—389). Однако ошибся не Прейс, а Барсуков: рукопись собрания Срезневского (ныне в Библиотеке Академии наук под шифром 24. 4. 41.) является писарской копией с ермолаевского списка Сборника 1414 г., хранящегося в Публичной библиотеке.

² Шифр Ф. п. 1. № 17.

манускриптов», как назывался тогда Отдел рукописей, А. И. Ермолаев, известный собиратель памятников древней письменности горный инженер П. К. Фролов. Свидетельством работы этих лиц над древнерусскими рукописями является письмо А. Н. Оленина к гр. Н. П. Румянцеву от 11 марта 1813 г. по поводу одного неразобранного слова в грамоте князя Мстислава Владимировича, которое было прочтено Олениным благодаря «некоторому навыку к древним Русским рукописям, с помощью... двух истинных любителей русских древностей гг. Ермолаева и Фролова». Далее Оленин, говоря о краске, входящей в состав чернил, которыми написана эта грамота, пишет: «сею краскою в древних наших рукописях подготавливались литеры под позолоту... в чем можно удостовериться, рассмотрев позолоченные буквы в рукописном Новгородском евангелии XI века, которое я имел честь показывать Вашему сиятельству на сих днях».¹ Речь здесь идет, несомненно, об Остромировом евангелии, т. к. кроме него никаких новгородских евангелий XI в. в то время в Публичной библиотеке не было. Еще раньше, в начале 1810 г., А. И. Ермолаев в письме к митрополиту Евгению Болховитинову мимоходом, как давно им обоним знакомое, упоминает Остромирово евангелие, сравнивая с ним одну рукопись Спасоярославского монастыря.²

Приведенные факты свидетельствуют о том, что Оленин и его сотрудники не только не делали секрета из своей работы над Остромировым евангелием, но сообщили о нем всем, тогда еще немногочисленным ученым и любителям-археологам—Карамзину, гр. Румянцеву и Евг. Болховитинову.

Первые исследователи Остромирова евангелия, основываясь на вполне вероятном предположении о написании этой книги в Новгороде, искали в ней особенностей новгородско-псковского говора. П. К. Фролов, например, сравнивал текст Остромирова евангелия с принадлежащим ему Евангелием XII в., написанным в Новгороде; но он не нашел, очевидно, этих особенностей в Остромировом евангелии и отметил, что только одно, довольно редкое слово в его Евангелии «означено также, как в Евангелии Остромира».³ Из-за отсутствия в Остромировом евангелии черт новгородско-псковского говора не была, вероятно, доведена до конца и сверхка его с Евангелием XIV в. Дальнейшее более глубокое и тщательное изучение языка Остромирова евангелия раскрыло последнее как памятник не областного говора, а как один из самых ранних и замечательных памятников общерусского литературного языка, как памятник генетической связи этого языка с языками народов славянских стран и в первую очередь болгар. Этот следующий этап изучения языка Остромирова евангелия был связан с работой над ним замечательного русского филолога-лингвиста Александра Христофоровича Востокова (1781—1864), 28 лет прослужившего в Публичной библиотеке.

¹ Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук (в дальнейшем будет обозначаться сокращенно: ОРЯС), т. V, вып. 1, 1868, стр. 93—94.

² Там же, стр. 239.

³ Относительно Евг. Болховитинова А. А. Кочубинский в своей книге «Адмирал А. С. Шишков и канцлер Н. П. Румянцев. Начальные годы русского славяноведения» (Одесса, 1887—1888, стр. 140) не совсем внятно и без ссылки на источник пишет: «В 1806 г. пр. Евгений остановился и ознакомился с рукописью Остромира и к этому г.ду принадлежит его любопытные соображения против Шлецера». Однако в этих «соображениях» Евгений, ссылаясь на летописца Нестора и на автора «Слова о полку Игореве», не говорит ничего об Остромировом евангелии. Вероятно, в это время оно еще не было известно Евг. Болховитинову (там же, стр. 138).

⁴ Письмо П. К. Фролова к А. Н. Оленину. Архив ГПБ, 1813 г., дело № 7, л. 25 (см. прил. 1-е).

Жизнь и научная деятельность А. Х. Востокова достаточно хорошо известны: изданы все его главные научные труды, биографические материалы, переписка.¹ Знакомство со всеми этими материалами дает основание утверждать, что если Публичная библиотека многим обязана за популяризацию и издание Остромирова евангелия Востокову, то во много раз большим последний обязан Публичной библиотеке, ее рукописным фондам.

«Незаконнорожденный» сын барона Остен-Сакена, не знавший своей матери, Востоков был в детстве отдан в кадетский корпус, откуда из-за косноязычия был взят и зачислен в ученики Академии художеств. Не став художником, Востоков пробовал свои силы в лирическом стихотворстве; затем под влиянием и руководством своего друга-однокурсника А. И. Ермолаева стал заниматься палеографией и лингвистикой. Для последних занятий он широкие возможности получил с 1806 г., когда Ермолаев поступил на службу в «Депо манускриптов» Публичной библиотеки.

Первым документальным свидетельством работы Востокова над Остромировым евангелием является записка Ермолаева к Востокову от 26 сентября 1814 г. Заболев, Ермолаев захватил, по простоте библиотечных нравов того времени, с собой на дом Остромирово евангелие, и приглашал к себе в гости Востокова вместе с одним их общим знакомым. Однако невозможно предположить, что Ермолаев не показал своему другу Остромирово евангелие раньше, т. е. вскоре после передачи этой книги в Публичную библиотеку. Да и в записке Ермолаева прямо говорится не о первом знакомстве, а уже об «упражнениях» Востокова над Остромировым евангелием.²

В 1815 г. А. Х. Востоков поступил в Публичную библиотеку помощником хранителя Отдела рукописей, и отныне его «любимые» занятия слились с служебными и он мог отдавать им всей душой.³ Результатом этих занятий явилось опубликованное в 1820 г. «Рассуждение о славянском языке»,⁴ сразу же выдвинувшее Востокова в первые ряды филологов-лингвистов того времени и сделавшее его имя широко известным не только в России, но и за ее рубежами, особенно в славянских странах.⁵

¹ Эти издания, подготовленные к печати известным русским ученым палеографом и лингвистом академиком И. И. Срезневским, отличаются исключительной полнотой и тщательностью, а также точностью комментариев. Не менее тщательно изданы и комментированы «Заметки А. Х. Востокова о его жизни» В. И. Срезневским (Сборник ОРЯС, т. 70, № 6, 1901).

² «Я сделался нездоров, любезный Александр Христофорович, и потому завтра не могу быть дежурным (по библиотеке. — Н. Р.), о чем и спешу Вас уведомить, дабы избавить от напрасной ходьбы в библиотеку. Если вы лаче чаяния увидите Фрота Филпп. Репнина, то сообщите и ему о моей болезни, которая к счастью хотя ни мало не опасна, но не позволяет мне выходить со двора. Впрочем, ежели вам можно ко мне пожаловать и меня навестить, то вы найдете у меня и Остромирово евангелие и евангелие Киевской печати для вашего упражнения, и я за посещение вам очень буду благодарен особливо, если Ф. Ф. Репнина вы ко мне заташите». (Переписка А. Х. Востокова. Спб., 1873, стр. XXVIII).

³ Срезневский И. И. Первые сорок лет жизни и трудов Востокова. — «Известия ОРЯС», т. 19, 1914, кн. 3, стр. 77.

⁴ Труды общества любителей российской словесности при императорском Московском университете. Ч. 17. М., 1820, стр. 5—61.

⁵ Как утверждает акад. Я. К. Грот, известный чешский ученый-лингвист Я. Добровский, получив «Рассуждения» Востокова, хотел было уничтожить свою грамматику старославянского языка, так как сравнительно небольшая по объему работа Востокова заставила Добровского пересмотреть результаты своих многолетних трудов. (Грот Я. К. А. Х. Востоков. — «Славянское обозрение», 1892, т. 1, кн. 4, стр. 454; см. также: Соболевский А. И. Памяти А. Х. Востокова. — «Известия ОРЯС», т. 19, 1914, кн. 1, стр. 119—130).

В деятельности А. Х. Востокова как хранителя Отдела рукописей Публичной библиотеки (им он стал после смерти Брюсилаева в 1828 г.) следует отметить одну редкую и драгоценную черту: готовность всегда и со всеми поделиться опытом своей работы, сообщить о своих наблюдениях и выводах, помочь присылкой выписок или копий с рукописей (такие копии Востоков делал мастерски — здесь ему пригодились обучение в Академии художеств). Это свойство характера Востокова было причиной распространения сведений об Остромировом евангелии среди русских ученых и любителей-палеографов, ввело этот памятник в оборот русской, а вскоре и зарубежной филологической науки.

Так, например, для палеографической таблицы к «Списку русским памятникам» П. И. Кеппена, вышедшему в 1822 г., А. Х. Востоков скопировал образцы письма Остромирова евангелия, сообщив попутно в письме к К. Ф. Калайдовичу, редактировавшему это издание, подробнейшие сведения об употреблении отдельных букв в этой рукописи.¹ В это же время Востоков послал копию с мессыслова Остромирова евангелия в Перемишль местному священику И. Лавровскому, занимавшемуся составлением грамматики западно-украинского («карпатросского») языка.² Последний пример — хорошая иллюстрация той готовности, с которой Востоков делился результатами своих трудов над Остромировым евангелием, делился — что называется — «не зирая на лица», не отказывая никому, даже неизвестным провинциальным труженикам — любителям филологических наук.

Особенно большое значение имело сообщение Востоковым сведений об Остромировом евангелии и выписок из него ученым славянских стран.

В 1824 г. Востоков в пространным письме к известному чешскому ученому-лингвисту Й. Добровскому дал подробное описание Остромирова евангелия, приложив к нему факсимиле многих листов этой книги. В этом же письме Востоков сообщает Добровскому подробные сведения о некоторых особенностях правописания, грамматики и синтаксиса Остромирова евангелия, сравнивает его с другими памятниками русской и южнославянской письменности того же периода, обнаруживая при этом отличное знание не только всех этих памятников, но и трудов Добровского и других ученых-лингвистов славянских стран.³

После смерти Добровского в 1829 г. Остромировым евангелием заинтересовался поэт и филолог, деятель национально-освободительного движения в Чехии Вацлав Ганка. Обращаясь к Востокову с просьбой о выписках из этой книги, Ганка просил его «во имя всех словен... подаровать нам полное издание того Евангелия Остромирского, бо сим сделать можете

¹ Переписка А. Х. Востокова. Спб., 1873, стр. 30—32. Таблица «Начертания письма» Остромирова евангелия, составленная П. И. Кеппеном на основании образца, присланного к этому изданию, в котором П. И. Кеппен дал лишь краткие сведения о миниатюрах и письме этой книги. (Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии. М., 1822, стр. 20—22). Таблица была приложена к другому изданию П. И. Кеппена — Собрание словенских памятников, находящихся вне России. Кн. I. Спб., 1827, стр. XXXII. В этой книге впервые были напечатаны специально изготовленным шрифтом значительные по объему куски текста Остромирова евангелия и полный текст Последствия к нему диакона Григория (стр. IX—XXXII). До этого Последствие было опубликовано лишь в выдержках Н. М. Карамзиным. («История государства Российского». Т. 2, примеч. 114). Таблица Кеппена в дальнейшем была опубликована в шестом издании Остромирова евангелия.

² Переписка А. Х. Востокова. . . , стр. 35.

³ Там же, стр. 100—116.

Еще не вѣдѣвъ иже
глаголюще. и оуби еще
вѣдѣющею емоу. въ-
звѣдѣши коурѣ. и о-
бращѣся къ. възвѣ-
да на петра и по-
мѣнахъ петрѣ. сло-
во еше на него рече
къмоу. како прѣжде
даже не възвѣ-
дѣши коурѣ. три
хрѣсти отвѣрже-
шися мѣне. и гвѣ-
до вънѣ тѣлака-
са горько. и мѣ-
жи дръмяще иш-
са речеахъся и мѣ-
бѣнѣще. и запрѣ-

вѣше и бѣгахъ по
лицѣхъ. въпраша-
хъ же и вѣдѣюще. про-
вѣдѣши что и что
оударилъ ты. и и-
ни мѣного гвѣдѣ-
ще ешеахъ на нѣ.
ГЛАВОУ. Д. ЕУАГ. И ОУ. ВЪ ТѢМЪ.
Глаголюще оу емоу въ прѣдѣ.
СХЪ. ДО И РАСПЛѢТѢ ИЩЕ ВЪ
тапѣли. **Д. ЕУАГ. И ОУ. ...**
ГЛАГОЛУЮЩЕ ГИ ПРѢДЪ СЕБѢ И ОУ.
ЗВѢДѢШИ НАПИСАТИ ЕУАГ. И ОУ. ПОСЛАТИ.
З ПИСАТИ. ВЪ МѢ. Р. Ф. ХЪ. А ОУАТИ
З ХЪ. Е. ВЪ МѢ. Р. Ф. ХЪ. НАПИСАТИ
З ЛИС. СЕ. РАБУ БѢШЕ НАВѢСНОУ СЪМЪ.
З ВЪ ПРѢДѢНИИ ИСОУФЪ. А МИРЪ И ОУ.
З МИРЪ. БИЗДОУДУЩЕМОУ АУЛАВУ ХЪ.

леографическая таблица Кеппена. Не были воспроизведены лишь заставки и инициалы Остромирова евангелия; для последних были сделаны однотипные клише, весьма отдаленно напоминающие форму и совсем не передающие красоту орнаментации инициалов подлинника. К тексту Остромирова евангелия был подведен греческий евангельский текст, сведенный из двух изданий XVIII и XIX вв.¹ и «приноровленный» Востоковым (по его выражению) к русскому тексту. Таким образом, греческий евангельский текст, опубликованный Востоковым, является искусственным и ненаучным. Этот недостаток востоковедского издания особенно ощутим в наше время, когда имеются критические издания новозаветных текстов.

Значительное место занимают в издании Востокова палеографические примечания, «грамматические правила словенского языка, извлеченные из Остромирова евангелия» и подробнейший «словоуказатель», в котором не только указаны страницы, на которых упоминается то или иное слово, но также грамматическое значение каждого из них и соответствующее ему греческое слово, а иногда — в трудных случаях — и контекст. В предисловии рассказывалась история Остромирова евангелия и его изучения до момента выхода в свет издания Востокова.²

Можно было бы много интересного сообщить из истории прохождения Остромирова евангелия через духовную цензуру — о том, как последняя чуть не сорвала выпуск этой книги, предъявив Востокову совершенно невыполнимые требования, как спас это издание московский митрополит Филарет, уже до этого знакомый с Остромировым евангелием,³ уличивший его цензоров — двух архимандритов (ректора и инспектора Петербургской духовной семинарии) и одного иеромонаха-бакалавра — не только в невежестве вообще, но и в незнании церковных уставов; однако все эти сведения, весьма любопытные и характерные для нравов того времени, были в свое время опубликованы П. И. Саввантовым.⁴

Выход в свет издания Остромирова евангелия был для русских и славянских ученых настоящим праздником, широко отмеченным русской и зарубежной прессой. Некоторые рецензии на это издание вылились в монументальные исследования, как например рецензия известного словенского ученого, основоположника сравнительной грамматики славянских языков Ф. Миклошича, опубликованная в 1847 году.⁵

Однако для А. Х. Востокова год выхода в свет издания Остромирова евангелия был последним годом службы в Публичной библиотеке.

¹ *Novum Testamentum ad probatissimos codices studiose revisum... vigiliis et industria J. G. Pritii. Lipsiae, 1703; Novum Testamentum graece. Lipsiae, 1830.*

² Первые отпечатки своего издания А. Х. Востоков роздал членам историко-филологического отделения Академии наук, по рекомендации которых в предисловие были внесены некоторые исправления и дополнения (см. Переписка А. Х. Востокова... стр. 472—473). При этом на Востокова обиделся П. И. Кеппен — за то, что не было упомянуто его имя как одного из первых публикаторов текста Остромирова евангелия (черновик письма Кеппена в Академию наук хранится в архиве последней — ф. 30, оп. 1, № 59; письмо публикуется ниже — см. прил. № 3). Замечание Кеппена было полностью учтено Востоковым.

³ Он смотрел его в 1834 г. (письмо Филарета к Оленину по этому поводу с резолюцией последнего имеется в Архиве Академии наук СССР — ф. 108, оп. 1, № 185, л. 116).

⁴ Саввантов П. И. Об издании Остромирова Евангелия и о содействии московского митрополита Филарета выпуску в свет этого издания. — «Чтение в Обществе любителей духовного просвещения», 1884, № 2 (имеется отдельный оттиск).

⁵ *Ostrofir's Evangelium. Hrsg. von A. Vostokov.* — «Jahrbücher der Literatur», № 119, 1847.

В 1843 г. умер А. Н. Оленин, и пост директора библиотеки занял известный реакционер и душитель прогрессивной печати Д. П. Бутурлин, создавший для Востокова совершенно невозможные условия работы. Вот, например, каким тоном разговаривал генерал Бутурлин с академиком Востоковым: «собственные Ваши книги, бумаги... находящиеся ныне в хранилище рукописей, предлагаю Вам немедленно из оного убрать куда следует и чтобы впредь никаких посторонних вещей там не было».¹ В марте 1844 г. Востоков ушел из библиотеки.

После ухода А. Х. Востокова из Публичной библиотеки Остромирово евангелие становится больше предметом хранения, чем изучения. Пришедший на смену А. Х. Востокову новый хранитель Отдела рукописей А. Ф. Бычков — крупный ученый-историк и археограф — имел в большом и разнообразном списке своих печатных работ несколько статей об Остромировом евангелии и в том числе содержательную и интересную рецензию на его издание Востоковым². Имя А. Ф. Быčkova значится в упоминавшейся выше «поколенной росписи ревнителей славяно-русской филологии» И. И. Срезневского в третьем поколении последователей Востокова. Однако после работ Востокова трудно было сразу сказать что-либо новое об Остромировом евангелии как памятнике старославянского языка, тем более А. Ф. Бычкову, который не был лингвистом. Что же касается читателей Отдела рукописей, то издание Востокова избавило их от необходимости обращаться к подлиннику при изучении его в том направлении, которое наметилось с первых же дней хранения этой книги в Публичной библиотеке, т. е. как памятника истории русской письменности и языка.

Отдельные попытки изучения истории Остромирова евангелия Публичной библиотекой все же предпринимались. Так, например, в 1851 г. директор библиотеки барон М. А. Корф, по инициативе А. Ф. Быčkova, официально запросил министра народного просвещения, нет ли в архиве этого министерства сведений о том, как попало Остромирово евангелие к Екатерине II, и не найдется ли там «высочайшего повеления» о передаче этой книги в Публичную библиотеку. Ответ на оба вопроса последовал отрицательный, и они до сих пор остаются открытыми.³ В 1858 г., когда Г. Д. Филимонов сообщил о своей находке сведений об Остромировом евангелии в архиве Оружейной палаты, о чем министр просвещения немедленно уведомил Корфа, последний также не замедлил передать всю переписку по этому поводу А. Ф. Бычкову с предложением «составить из этой статьи» для «Санктпетербургских ведомостей», что тот и сделал.⁴

Широкое оповещение в печати об отдельных событиях жизни Публичной библиотеки, наряду с стремлением к парадности, к блеску, который должен был поражать каждого входящего в полукруглое здание, что на углу Невского и Садовой, являются характерными чертами стиля руководства Корфа. Это принесло немалую пользу Публичной библиотеке: о ней стали говорить в обществе, посещение библиотеки стало входить

¹ Сборник «Предписания директоров ИПБ хранителям рукописей оной». Хранится в Отделе рукописей (Ф. XVIII. № 28, л. 83). В этом сборнике особенно ярко отразился контраст между вежливым, предупредительным отношением Оленина к хранителям Отдела рукописей — Ермолаеву и Востокову и сухим, чиновничьим, официальным до грубости тоном распоряжений Бутурлина.

² «Журн. м-ва нар. прос.», 1844, № 11, отд. VI, стр. 1—16.

³ Архив ГПБ, 1851 г., дело № 27, лл. 1—2 (см. прил. 4), см. также: ЦГИАЛ, ф. № 733, оп. 90, № 157.

⁴ Архив ГПБ, 1851 г., дело № 27, л. 21. «Фельетон» А. Ф. Быčkova был опубликован без подписи в 9-м номере «Санктпетербургских ведомостей» за 1859 г.

в моду, что несколько содействовало росту числа читателей, причем стноюдь не за счет «высших слоев общества», предпочитавших прогулки по библиотеке чтению ее книг.

Популяризаторские тенденции Корфа в управлении Публичной библиотекой коснулись и Остромирова евангелия.

В 1851 г. москвич П. В. Голубков уведомил министра двора кн. Волконского о пожертвовании им 3-х тысяч рублей на новое издание Остромирова евангелия. Корф уговорил Голубкова изменить назначение пожертвования и соорудить на эти деньги роскошные переплеты на Остромирово евангелие и заодно на первопечатный Федоровский апостол¹. Николай I лично рассмотрел эскизы для переплетов и, отвергнув первоначальные их варианты, как «не соответствующие векам, в которых писано то Евангелие и издан Апостол»², утвердил новые. 24 ноября 1852 г. Корф известил Волконского о том, что «старейшая из дошедших до нас вполне отечественных рукописей» до сих пор лежала «так сказать под спудом... в новейшем, но совершенно простом бархатном переплете». «Оба древнейшие памятники нашей письменности и вместе святыни, — продолжает Корф, — в новом великолепном их облачении вчера поставлены в библиотеке на особо устроенных для них налоях».³ Через три недели Корф, не дождавшись, очевидно, откликов печати на свою очередную затею в Публичной библиотеке, отправил одновременно в редакции «Санктпетербургских ведомостей» и «Северной пчелы» письмо с предложением опубликовать заметки о новых окладах Остромирова евангелия и Федоровского апостола.⁴

Новый массивный переплет Остромирова евангелия, ныне уже не существующий, был сделан по эскизу архитектора И. И. Горностаева⁵ придворным ювелиром И. П. Сазиковым, вложившим в это дело, по свидетельству Корфа, и свои собственные деньги. Переплет этот, не представлявший особой художественной ценности, сыграл в судьбе Остромирова евангелия незавидную роль: из-за него этот бесценный памятник русской культуры, лежавший до сих пор, по выражению Корфа, «под спудом», т. е., очевидно, в более подходящих условиях хранения, в течение почти 80 лет непрерывно подвергался действию света, переменам температуры и влажности воздуха, будучи выставленным в витрине, и, наконец, подвергся опасности во время похищения переплета.⁶ Кроме того, при изготовлении корфовского переплета, тетради книги были довольно крепко стянуты суровыми нитками, а доски переплета изнутри были обтянуты муаром, подбитым тонким слоем ваты, в то время как пергамен, чтобы он не коробился от колебаний влажности воздуха, должен находиться в жестком переплете с ровной внутренней поверхностью, что учитывали древнерусские книжники и переплетчики. Все это вместе взятое и повлекло за собой значительную деформацию листов Остромирова евангелия, исправленную при его недавней реставрации, — деформацию, по-

¹ Архив ГПБ, 1851 г., дело № 27, л. 3.

² Там же, л. 11.

³ Там же, л. 15.

⁴ Там же, л. 20.

⁵ И. И. Горностаев был родственником известного библиотекаря В. И. Соболевского, которому он помогал при строительстве и оформлении нового читальского зала Публичной библиотеки и так называемого «кабинета Фауста».

⁶ Переплет был похищен в начале 1930-х гг. и сразу же найден, но уже в совершенно деформированном виде. Рукопись Остромирова евангелия при этом, к счастью, нисколько не пострадала и с тех пор стала храниться в сейфе.

плекшую за собой осыпание красок на миниатюрах, особенно на первой из них.¹ Таковы были результаты затеи Корфа с роскошным переплетом Остромирова евангелия и его экспозицией, при которой в сущности демонстрировался ловкий сомнительной художественной ценности переплет и портилась древняя рукопись.

Изучение Остромирова евангелия как памятника русской письменности и языка тем временем продолжалось. О нем писали в своих трудах все крупнейшие русские ученые-палеографы и лингвисты второй половины прошлого и начала текущего столетия — Ф. И. Буслаев,² И. И. Срезневский, А. А. Потебня, В. Н. Щепкин и др. Тексты из этой книги постепенно входили и в оборот научно-педагогической литературы. Все это делалось преимущественно без обращения к подлиннику, по восточковскому изданию, хотя в отдельных случаях обойтись без подлинника было невозможно. Обращение к подлиннику позволяло исследователям находить иногда вещи, не замеченные Востоковым. Так, например, известный историк русской книги Н. В. Волков, обнаружив на одном листе Остромирова евангелия незначительное исправление текста по подчищенному, сделал предположение о неновгородском происхождении его писца — диакона Григория. Не приходится много говорить о том, какие важные и далеко идущие выводы об истории написания Остромирова евангелия можно сделать из этого предположения.³

К подлиннику Остромирова евангелия обращались и до сих пор вынуждены обращаться искусствоведы, т. к. ни в одном из его изданий, включая факсимильные, не передана раскраска замечательных инициалов этой книги. Поэтому так немногочисленные статьи, касающиеся художественного оформления старейшей русской книги.

Одна из таких статей, написанная профессором археологии и истории Московского университета К. К. Гёрцом,⁴ — статья небольшая и поверхностная (в ней, например, говорится о четырех миниатюрах Остромирова евангелия, в то время как их всего три) — дала повод высказаться относительно художественного оформления этой книги В. В. Стасову.

В. В. Стасов впервые увидел Остромирово евангелие на выставке иллюминированных рукописей Публичной библиотеки, устроенной А. Ф. Бычковым в 1856 г. «Я тщательно рассматривал формы и содержание миниатюр Остромирова евангелия вместе с его заглавными буквами и заставками», — вспоминает впоследствии В. В. Стасов и добавляет: «...в то же время, с такою же симпатией и внимательностью рассматривал орнамент

¹ На рисунках миниатюр Остромирова евангелия, приложенных к его первому изданию, никаких осыпаний красок не видно: на факсимильном издании 1882 г. они уже заметны.

² Его магистерская диссертация имела подзаголовок: «Опыт истории языка по Остромирову евангелию». (Буслаев Ф. И. Влияние христианства на славянский язык. М., 1848).

³ Волков Н. В. О не-новгородском происхождении диакона Григория, писца Остромирова евангелия. — «Журн. м-ва нар. прос.», 1897, № 12, стр. 443—446. При реставрации Остромирова евангелия в Публичной библиотеке в 1955 г. было отмечено еще несколько случаев исправления текста по подчищенному, которые ждут объяснения их палеографами и лингвистами (см. статью Е. Х. Трей «Реставрация Остромирова евангелия» на стр. 57 настоящего издания).

⁴ Гёрц К. К. Миниатюры Остромирова евангелия. — «Летописи русской литературы», т. 3, 1861. В конце статьи говорится: «Я сочту себя счастливым, если эта заметка вызовет более подробное исследование этого важного памятника живописи... чем мне можно было это сделать во время недавнего кратковременного моего пребывания в Петербурге».

русских вышивок на полотенцах, простынях и женских головных уборах».¹ Дальнейшая работа В. В. Стасова над изучением истории орнамента отвлекла его внимание от миниатюр и орнаментации русских рукописных книг XI—XII вв. «При изучении рисунков наших древних рукописей меня уже давно более всего занимает XIII и XIV в.», — признавался в 1884 г. В. В. Стасов.²

Однако в материалах к работам В. В. Стасова Остромирово евангелие постоянно упоминается. Так, например, среди материалов к лекциям у гр. Шереметева на тему «Орнамент болгарский, сербский, русский, восточный», кроме многочисленных ссылок на Остромирово евангелие, имеется скопированное В. В. Стасовым целиком Послесловие диакона Григория с припиской на полях карандашом: «6 месяцев писал».³ В папке материалов, озаглавленной «Миниатюры рукописей Публичной библиотеки»,⁴ первый лист посвящен Остромирову евангелию; на нем написано, правда, всего 5—6 слов да схематично изображена рамка одной из миниатюр, но это можно объяснить тем, что этот памятник был слишком хорошо известен В. В. Стасову и ему незачем было о нем каждый раз писать подробно.

Последнее предположение подтверждается «Замечаниями о миниатюрах Остромирова евангелия» В. В. Стасова (по поводу статьи К. Герца), в которых обнаруживается великолепное знание миниатюр, заставок и инициалов Остромирова евангелия и приводятся интересные наблюдения над всеми элементами художественного оформления этой книги. Миниатюры Остромирова евангелия В. В. Стасов ценит не слишком высоко, т. к. считает, что «несравненно для нас важнее и примечательнее» миниатюры Изборника Святослава 1073 г., содержащие многочисленные реалии древнерусского быта и портретные изображения. «Заглавные буквы имеют для меня совершенно особенную важность», — продолжает В. В. Стасов об Остромировом евангелии, — потому что заключают особенности, которых нет ни в русских, ни в византийских заглавных буквах IX, X и XI вв.»⁵

Основной вывод В. В. Стасова относительно художественного оформления Остромирова евангелия сводится к тому, что оно является результатом коллективного труда русских художников-миниатюристов и орнаменталистов. «Писцом знаменитого Остромирова евангелия 1056 г. назван в записи *один человек*..., а рисовальщиков, судя по работе, очень различной, было *несколько*, по крайней мере два или три для миниатюр апостолов и по крайней мере два для заглавных букв, заставок и орнаментов» (подчеркнуто В. В. Стасовым).⁶

Такие тонкие наблюдения над миниатюрами и орнаментацией Остромирова евангелия В. В. Стасов мог сделать только благодаря своей службе в Публичной библиотеке, благодаря содействию и руководству его многолетней работой по изучению орнамента со стороны хранителя Отдела рукописей А. Ф. Бычкова.⁷ Остается лишь пожалеть, что в больших и раз-

¹ Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Рукописный отдел (в дальнейшем будет обозначаться ИРЛИ), ф. № 294, оп. 1, № 877, л. 1.

² Стасов В. В. Собр. соч. Т. 1. Спб., 1894, стр. 842 (отд. 1).

³ ИРЛИ, ф. 294, оп. 1, № 868, л. 67.

⁴ Там же, ф. 294, оп. 1, № 718.

⁵ Стасов В. В. Собр. соч. Т. 2. Спб., 1894, стр. 133.

⁶ ИРЛИ, ф. 294, оп. 1, № 877, л. 23.

⁷ Об этом В. В. Стасов говорит в предисловии к книге «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени» (Спб., 1887), а также в речи памяти А. Ф. Бычкова (ИРЛИ, ф. 294, оп. 1, № 1056).

нообразных списках ученых трудов как В. В. Стасова, так и А. Ф. Бычкова столь небольшое место занимают работы по Остромирову евангелию. Это не было случайным: по сравнению с Востоковым — ученым-одноруком, сосредоточившим все свое внимание на изучении истории русского языка, А. Ф. Бычков и особенно В. В. Стасов являлись исследователями иного типа, характерной особенностью которых является необычайная широта научных интересов, огромный диапазон тематики, и гибкость методов исследования, обилие и разнообразие привлекаемых к работе материалов.

Все эти качества особенно ярко сказались в монументальнейшем труде В. В. Стасова — «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени» (СПб., 1887). В этом массивном фолианте из 156 листов рисунков книжного орнамента многих народов и многих веков два листа (49 и 50) уделены Остромирову евангелию: один целиком занят воспроизведением миниатюры, изображающей евангелиста Луку, а на втором воспроизведены две заставки и 14 инициалов. Подбор последних — еще одно свидетельство тщательности изучения В. В. Стасовым Остромирова евангелия: выбраны самые лучшие, самые интересные и в то же время самые характерные инициалы.

Воспроизведение в книге В. В. Стасова некоторых инициалов Остромирова евангелия является до сих пор единственным, т. к. факсимильные, фототипические издания этого памятника не дают их раскраски.

Таких изданий было два.

В 1882 г. санктпетербургский 2-й гильдии купец Илья Кириллович Савинков, по совету сотрудника Археографической комиссии И. П. Петрова, обратился в Публичную библиотеку с просьбой разрешить ему издать на свой счет Остромирово евангелие фотолитографическим способом.¹ Разрешение было получено, и фотограф П. П. Новицкий приступил под наблюдением И. П. Петрова к фотографированию листов этой книги в Отделе рукописей Публичной библиотеки. Издание было отпечатано в фотолитографии А. Ф. Маркова в Петербурге, и 225 его экземпляров Савинков передал безвозмездно в Публичную библиотеку, а остальные пустил в продажу через магазин «Нового времени», о чем было сообщено в этой газете. Сообщение это нашло широкий отклик в провинции, и в Публичную библиотеку стали поступать многочисленные запросы на издание Савинкова из учебных заведений (главным образом гимназий) и от частных лиц со всех концов Российской империи. Первое издание было вскоре распродано, и в 1889 г. Савинков выпустил второе, также быстро разошедшееся.

Издания Савинкова, за которые он получил орден Станислава 3-й степени и удостоился «высочайшей аудиенции» (был принят Александром III), в научном отношении не имели особой ценности. «Издание это исполнено фотолитографией и, кроме довольно точного воспроизведения весьма важного для славянской филологии подлинника, не представляет ничего особенного в ученом отношении»², — писал А. Ф. Бычков, отвечая на запрос министерства иностранных дел, когда И. П. Петров вознамерился поднести савинковское издание австрийскому императору и саксонскому королю. В этом издании, сделанном в формате оригинала, более или менее удовлетворительно были воспроизведены (в красках) лишь

¹ Архив ГПБ, 1882 г., дело № 71, л. 1.

² Там же, л. 32.

миниатюры и первый лист Остромирова евангелия; остальное было сделано одной и той же коричневатой краской, отдаленно напоминавшей цвет чернил подлинника, причем контуры инициалов оказались смазанными и почти не передавалась их ювелирная фактура (во втором издании текст и инициалы были воспроизведены черной краской и гораздо хуже, чем в первом).

Факсимильные издания Остромирова евангелия сыграли, тем не менее, значительную роль в судьбе этого памятника. Более доступные и по цене и по тиражам, чем востокоское издание, они проникли во все уголки нашей страны, и с тех пор вошло в практику чтение текстов Остромирова евангелия на уроках старославянского языка в высших и даже средних учебных заведениях. В университетах и педагогических институтах студенты читают Остромирово евангелие по савинковским изданиям до настоящего времени.¹

Дальнейшее и более глубокое изучение Остромирова евангелия привело к необходимости его палеографического исследования, что в свою очередь сделало необходимым обращение к подлиннику, т. к. не только савинковское, но и востокоское издание не давало возможности изучения всех тонкостей письма оригинала. Поэтому, начиная с 1880-х гг., все наиболее значительные работы по исследованию Остромирова евангелия создавались в Отделе рукописей Публичной библиотеки, его читателями, при активной и постоянной помощи хранителя Отдела рукописей И. А. Бычкова. Сменив в 1881 г. на этом посту своего отца и учителя, И. А. Бычков продолжал его традицию — традицию Ермолаева — Востокова, оказывая всемерную и квалифицированную помощь всем работавшим над рукописями, особенно над древнерусскими.

Результаты этого нового периода в изучении Остромирова евангелия в Публичной библиотеке не замедлили сказаться.

В 1885 г. вышло в свет «Исследование о языке Остромирова евангелия» М. М. Козловского, которому был предпослан краткий палеографический очерк памятника, а в конце прилагался солидный, на 7 страницах мелкого шрифта, список опечаток, а также расхождений с подлинником в форме букв и надстрочных знаков в издании Востокова.² М. М. Козловский первый заметил отличие письма первых 23 листов рукописи Остромирова евангелия от остальных и сделал предположение о том, что писал эту книгу не один писец.

Дальнейшую разработку вопроса о языке Остромирова евангелия находим в трудах замечательного русского ученого-лингвиста академика Ф. Ф. Фортунатова. Еще будучи студентом, Фортунатов написал большую работу «Язык Остромирова евангелия»³ и во всех своих последу-

¹ Материалы по истории факсимильного издания Остромирова евангелия и его распространения имеются в Архиве ГПБ (1882 г., дело № 71).

² Полнота и «добросовестность» этого списка, а также необходимость его публикации, «так как издание А. Востокова еще на долгое время останется главнейшим источником для изучения церковнославянского языка древней Руси», засвидетельствованы в этой книге акад. И. В. Ягичем (стр. 119).

³ Работа осталась неопубликованной и хранится ныне в рукописи. (Архив Академии наук СССР, ф. 90, оп. 1, № 3). В том же фонде (оп. 3, № 31) хранится письмо к Ф. Ф. Фортунатову известного филолога-слависта Г. А. Ильинского, в котором последний сообщает, что готовит новое издание Остромирова евангелия. Называя Фортунатова «крупным лингвистическим авторитетом», Ильинский просит его взять на себя редактирование этого издания. Получив это письмо, Фортунатов обратился с письмом к А. А. Шахматову (ф. 134, оп. 3, № 1606, л. 183), в котором спрашивал, можно ли

ющих исследованиях продолжал совершенствовать изучение этого памятника, результатом чего была опубликованная через 40 лет после его первой студенческой работы большая статья «Состав Остромирова евангелия». ¹ Ф. Ф. Фортунатов установил тончайшие различия языка между отдельными частями рукописи; эти различия были палеографически подтверждены трудами нашего современника члена-корреспондента Академии наук СССР Н. М. Каринского.

В лице Н. М. Каринского следует отметить редкое и драгоценное сочетание качеств лингвиста и палеографа, что обусловило особенности метода и широту тематики его исследований. Как лингвист он в экспедициях и поездках изучал местные народные говоры, как палеограф и историк языка — целыми днями просиживал в Отделе рукописей Публичной библиотеки над древними рукописями. В этих занятиях большое место было уделено Остромирову евангелию, с которого он начал читать курс палеографии на историко-филологическом факультете Петербургского университета. ² Начав работать над Остромировым евангелием по савинковскому изданию, ³ Каринский вскоре обратился к подлиннику. В результате тщательного изучения последнего Н. М. Каринский пришел к выводу о том, что над Остромировым евангелием трудились три писца: один написал первые 23 листа, второй — надписывал золотом заголовки отдельных чтений, третий, как предполагает Н. М. Каринский, диакон Григорий — выполнил остальное, основную часть работы, и поэтому его имя выставлено в Послесловии. Свою работу «Письмо Остромирова евангелия» Н. М. Каринский опубликовал в Сборнике Публичной библиотеки — в первом ее издании, вышедшем при советской власти, ⁴ а выводы из этой работы еще более четко и убедительно повторил в предисловии к своему изданию «Образцы письма древнейшего периода истории русской книги» (Л., 1925).

Работы Н. М. Каринского по Остромирову евангелию являются итогом дореволюционного периода изучения Остромирова евангелия — итогом важным и значительным, намечавшим пути дальнейшего изучения этого памятника более совершенными лингвистическими и палеографическими методами. «В работе над Остромировым евангелием Н. М. [Каринский] великолепно и убедительно показал, как важно историку древнейших периодов русского языка быть одновременно и палеографом и лингвистом. Изучение языка памятника в отрыве от его конкретного оформления переписчиком, без проникновения в самую лабораторию создания руко-

ему положить на тщательность списка, сделанного Ильинским, так как от этого зависит его ответ. Что ответил по этому поводу Шахматов, неизвестно, но Остромирово евангелие Ильинским издано не было.

Как явствует из текста первого письма, Ильинский собирался издавать Остромирово евангелие «непосредственно по литографированному изданию 1889 г.», хотя выше, в том же письме, пишет, что, сличая текст этого издания с рукописью, он убедился «в его абсолютной непригодности для научного пользования».

(Тексты этих писем сообщены автору настоящей статьи доцентом ЛГУ Г. Ф. Нефедовым, подготовившим их к публикации).

¹ Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. Ч. 2. СПб., 1908, стр. 1416—1479.

² Вводная лекция Н. М. Каринского была опубликована в «Журн. м-ва нар. прос.» (1903, № 5, стр. 94—110) под заглавием: «Остромирово евангелие как памятник древнерусского языка».

³ Этот экземпляр хранится в библиотеке Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена.

⁴ Сборник Российской Публичной библиотеки. Т. 1, вып. 1. Пг., 1920, стр. 168—192.

писи, может привести к неточным, а иногда и неверным выводам», — так характеризуются результаты и перспективы изучения Остромирова евангелия в статье, посвященной 10-летию со дня смерти Н. М. Каринского.¹

Работы Н. М. Каринского были последними крупными работами об Остромировом евангелии в наше время: после них ни в нашей стране, ни за ее рубежами не появлялось значительных работ об этом замечательном памятнике культуры древнерусского государства. Только совсем недавно, в связи с 900-летием Остромирова евангелия вновь пробудился интерес к нему: были проведены заседания кафедр русского языка в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена и в Ленинградском университете, а также встреча лингвистов города Ленинграда в Доме ученых, посвященные этой дате. Появились также отклики в журналах и газетах.²

Между тем, за 30 лет, прошедших после появления работ Н. М. Каринского, наука о происхождении славянского и русского языков пополнилась многочисленными новыми фактами, археологическими находками и исследованиями ученых — как советских, так и зарубежных, в свете которых должны быть пересмотрены многие данные изучения Остромирова евангелия, ценность которого, как старейшей русской книги, как одного из древнейших памятников древнерусского языка, нисколько не поколебалась, да и не может поколебаться, т. к. находка целых неизвестных еще книг XI в., да еще такой огромной художественной ценности, в настоящее время едва ли возможна.³

Обратиться вновь к изучению Остромирова евангелия необходимо еще и потому, что в течение полутора столетнего изучения многие вопросы его происхождения и исторической судьбы разрабатывались мало или даже совсем не затрагивались.

¹ Гринкова Н. П. Памяти Н. М. Каринского. — «Известия Академии наук СССР». Отд-ние лит. и яз., 1946, вып. 4, стр. 366.

² Дело не обошлось без курьезов. Журнал «Молодой колхозник» в 11-м номере 1956 г. поместил заметку о «древней рукописи», юбилей которой, по мнению редакции журнала (а не авторов заметки, как это удалось установить), готовится праздновать «передовая общественность мира». Однако, о какой именно «древней рукописи» идет речь, остается неизвестным, так как Остромирово евангелие оказалось и заметке не названным. Журнал «Славяне», позднее всех откликнувшийся на юбилей Остромирова евангелия, сообщил своим читателям, что оно «украшено тремя портретами евангелистов» и что диакон Григорий «по-видимому был молод, на что указывает его увлечение женскими личиками при разрисовке инициалов». («Славяне», 1957 г., № 12, стр. 46). Более обстоятельная, хотя и компилятивная статья была опубликована в «Журнале московской патриархии» — Белевцев И. Остромирово евангелие. — «ЖМП», 1956, № 6, стр. 64—68).

³ Заметки о юбилее Остромирова евангелия были опубликованы также в «Трудах отдела древнерусской литературы» (Ин-та рус. лит. Акад. наук СССР), т. 12, 1956, стр. 337—339 и в журнале «Нева» (1956, № 5, стр. 188).

Празднование юбилея в Публичной библиотеке было отмечено газетами «Вечерний Ленинград» (1957 г., 11 мая) и «Советская Россия» (1957 г., 17 мая), а также местным и центральным радиовещанием. Подробная информация об этом праздновании помещена в журнале «Вопросы языкознания» (1957, № 5, стр. 154—156).

⁴ Необходимость обобщения опыта и результатов изучения Остромирова евангелия русскими и зарубежными учеными ощущалась уже сто лет тому назад. В заметке, сообщавшей о выходе в свет издания В. Ганки, в «Известиях Академии наук по отделению русского языка и словесности» отмечалось, что после этого издания «нельзя не желать появления третьего труда (т. е. после изданий Востокова и Ганки.—Н. Р.) — подробного разбора текста в отношении филологическом и археологическом: для него уже много приготовлено филологами русскими, кое-что и на западе славянском; но все приготовленное разбросано и поневоле забывается». («Известия ОРЯС», т. 2, ч. 1, 1853, стр. 16).

К последним относится, например, вопрос об оформлении инициалов Остромирова евангелия. В сложный орнамент этих инициалов, не совпадающий полностью ни с одним из известных стилей, вплетены клювы, лапы и морды фантастических и реально существующих животных, причудливые сочетания которых производят иногда впечатление химер. В десяти случаях в заглавную букву «В» вписаны не то человеческие лица, не то символические изображения небесных светил;¹ все они разные, друг на друга не похожие. Невольно возникает вопрос: не донесли ли инициалы Остромирова евангелия до нас отголоски древнеславянских языческих мифов? На л. 54, например, в инициал, с которого начинается текст о том, что Христос есть «свет миру», вписано молодое, миловидное женское лицо — лицо смуглое, как будто пышущее жаром; не является ли это изображением древнеславянской девы-светила, девы-солнца, название которой живет в народной поэзии в слове «красна девица?». А на л. 290 об., где рассказывается о суде Каиафы и Пилата, о начале мучений Христа, из заглавной буквы «В» смотрит на читателя тоже женское лицо, но темное, скорбное, серьезное; не лик ли это «девы-обиды», которая упоминается в Слове о полку Игореве?

Нельзя ли предположить, что художник Остромирова евангелия находился под влиянием каких-то древних, дохристианских мифологических образов? Некоторые из них уже смешались в его сознании, и отсюда причудливые сочетания тератологических элементов в инициалах этой книги. Более ясными были для него антропоморфные языческие божества, отождествившиеся с образами и персонажами христианской мифологии. Отсюда та четкость и чистота изображения ликов в инициалах, их живописная, а не графическая трактовка. Особенно это сказывается в последнем «антропоморфическом» инициале Остромирова евангелия, где тщательно выписанное человеческое лицо (по нашему предположению — лицо «девы-обиды») резко контрастирует с буйным, фантастическим переплетением «звериных» элементов в нижней части буквы.

Не будем, однако, продолжать подобные рассуждения, т. к. все это пока что — только предположение. Несомненно лишь одно: оформление инициалов Остромирова евангелия должно заинтересовать не только художников и искусствоведов, но и фольклористов. Изображения небесных светил, мифологических существ и фантастических зверей в народном творчестве и прикладном искусстве (вышивка, резьба, орнаментация памятников архитектуры и т. п.) давно уже изучаются, но, насколько нам известно, к этому изучению еще не привлекались материалы оформления Остромирова евангелия.

Для изучения Остромирова евангелия Публичная библиотека предоставила теперь гораздо больше, чем ранее, возможности: накануне юбилея рукопись была капитально реставрирована.

Не сразу решились в Публичной библиотеке на этот шаг: ведь опыта реставрации старинных пергаменных кодексов еще не было, а речь шла о том, чтобы начать прямо с Остромирова евангелия. Были проведены консультации со специалистами — художниками-реставраторами, учеными-па-

¹ На л. 211 такое изображение замазано желтой краской и покрыто несколько грубоватым киноварным узором, без отделки золотом. От этого верхняя часть инициала стала заметно контрастировать с нижней, выполненной в обычной для инициалов Остромирова евангелия манере перегородчатой эмали. Является ли это позднейшей записью, или так было с самого начала, — должны решить специалисты. В пользу первого предположения свидетельствует то обстоятельство, что и весь текст этого листа подновлен более темной краской.

леографами, работниками кожевенной промышленности. Решено было при реставрации Остромирова евангелия отказаться от применения каких бы то ни было химических составов для придания эластичности пергамену. С помощью легкого увлажнения дистиллированной водой руками старейшего реставратора Публичной библиотеки Е. Х. Трей были расправлены все морщины и рубцы старой, 900-летней рукописи, стерта многолетняя, впитавшаяся в поры пергамена грязь и соскоблены восковые пятна на полях (к тексту при очистке поверхности не прикасались). Рукопись решено было больше не переплетать, чтобы не создавать вновь условий для деформации пергамена и не вносить в нее клей. Нитками из натурального шелка были сшиты отдельные тетради, составляющие Остромирово евангелие, — каждая тетрадь в отдельной мягкой бумажной обложке — и вся рукопись помещена в специально изготовленный футляр из старого полированного дуба. При этом даже петли, держащие крышку, были сделаны медными и поставлены на медных же шурупах, чтобы исключить возможность появления ржавчины в непосредственной близости к драгоценной рукописи. В таком виде, помолодевшее и избавленное от тягости переплета, Остромирово евангелие вступает в десятое столетие своего существования.

Теперь, в условиях полистного хранения, не надо уже будет для изучения какого-нибудь неясного места текста или отдельного инициала выдавать всю рукопись: достаточно будет достать соответствующую тетрадь.

Однако обращения к оригиналу Остромирова евангелия придется все-таки в дальнейшем ограничить: ведь чем дольше существует эта книга, тем тщательнее приходится ее беречь. Поэтому совершенно необходимым является сейчас новое факсимильное издание этого памятника, для чего также в настоящее время имеются более благоприятные условия, чем до сих пор. Во-первых, отдельные листы в тетрадях гораздо легче будет воспроизводить, чем раньше, когда Остромирово евангелие существовало как книга, да еще в массивном, с трудом разгибавшемся переплете. Во-вторых, в складах и рубцах пергамена до реставрации скрывались не только отдельные буквы, но и целые слова, даже строки, как это видно на хороших репродукциях, например, в изданиях Н. М. Каринского. Все это обеспечит высокое качество воспроизведения листов Остромирова евангелия, особенно учитывая возможности современной полиграфической техники.

Новое и совершенное факсимильное издание Остромирова евангелия, без всякого сомнения, вновь привлечет внимание к этому уникальному из уникальных памятников культуры древнерусского государства — внимание как советских, так и зарубежных ученых, станет началом нового периода его изучения.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Письмо П. К. Фролова¹ к А. Н. Оленину

Ваше превосходительство,
Милостивый государь,
Алексей Николаевич!

Имею честь получить от вашего превосходительства позволение доносить вам писмами моими о предметах, принадлежащих к отечественным примечательностям, осмеливаюсь послать с сим три манускрипта. Первой из них есть Евангелие, писанное на пергаменте и примечательное сколько тем, что писец поместил в нем свое имя, сколько ж и тем, что в причте о десяти девах слово «медящий» означено так же, как в Евангелии Остромира.² Вторая книга есть Евангелие же, писанное на пергаменте и имеющее цену свою по сохранности и по надписи, показывающей 1393 год.³ Третья содержит поучения Ефрема Сирина;⁴ к большому достоинству сей книги можно отнести и то, что она писана на пергаменте прекрасными, четкими литерами, которые показывают ее древность. Кроме сих книг, нашел я каноны Франциска Скорина, неизвестные трудолюбивому сочинителю Российской библиографии.⁵ Сочтя книгу сию редкою, долгом себе поставил послать и ее.

Имею честь препроводить сии четыре книги к вашему превосходительству, осмеливаюсь покорнейше просить приказать приобщить их к манускриптам моим, хранящимся в Императорской публичной библиотеке.

Лестно для меня будет, если ваше превосходительство удостоит изволите милостивым воззрением на усердие мое; столь же лестною наградою признать обязан буду, если ваше превосходительство почтит меня изволите писмом вашим о получении сих книг. На сей конец должен я покорнейше просить отсылать письма ваши ко мне в Саратов, надписывая на имя тамошняго губернатора сего превосходительства Алексея Давыдовича Панчулидзева.⁶

С совершеннейшим высокопочтанием и так же преданностью всегда имею честь быть

Вашего превосходительства,
Милостиваго государя
покорнейшим слугою

Петр Фролов.

16 сентября 1813 года
Москва.

¹ Петр Кузьмич Фролов (1775—1839) — выдающийся горный инженер и изобретатель, строитель первой в России железной дороги (на конной тяге) был одним из первых фодообразователей Отдела рукописей Публичной библиотеки. Находясь по делам службы, которую начал и кончил в Сибири, в постоянных разъездах, он в 1811 г. сдал на хранение в библиотеку свою замечательную коллекцию древнерусских, западноевропейских и восточных рукописей, а в 1818 г. пожертвовал ее библиотеке. Рукописи собрания Фролова, наряду с коллекциями П. П. Дубровского и Ф. А. Толстого, вошли в состав основного собрания рукописной книги и получили единые форматно-тематические шифры.

² Речь идет о так называемом Милятином Евангелии XIII в., хранящемся с тех пор в Публичной библиотеке (шифр: Ф.п. 1 № 7).

³ Рукопись Ф.п. 1 № 18.

⁴ Рукопись Ф.п. 1 № 45.

⁵ В. С. Сопикову.

⁶ В Саратове П. К. Фролов, по поручению горного департамента, изучал вопрос о строительстве соляных складов на волжских пристанях и об улучшении транспортной к ним соли. Здесь Фролов также предложил проект постройки железной дороги на конной тяге. (Об этом см.: Виргинский В. С. Замечательные русские изобретатели Фроловы. М., 1952, стр. 135—137. О том же: Савельев Н. Я. Петр Кузьмич Фролов. Новосибирск, 1951, стр. 53—55. В обеих этих брошюрах подробно освещается многообразная деятельность П. К. Фролова, и в том числе организация им библиотеки в Барнауле. Но ни одного слова не говорится о его коллекции рукописей и о постоянной связи с Публичной библиотекой, одним из первых читателей которой он был, — связи, свидетельством которой является публикуемое письмо).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Письмо Вацлава Ганки директору Публичной библиотеки М. А. Корфу *

Ваше превосходительство, милостивый государь! Я уже не ожидал, что найдется ящик с книгами для Императорской Публичной Библиотеки, и собрал в другой¹, в который я вложил также экземпляр моего издания Остромирова Евангелия,² и только что наполнил ящик — вот приходит официальное письмо Вашего превосходительства с радостнейшим известием о благосклонном принятии Полиглотты Краледворской рукописи.³ Я ныне боюсь, что Вы можете назвать это привязчивостью. Но кто меня знает, тот уверен, что я не ишу ничего другого, как распространение славянского слова, желая тем показать соплеменникам, что и чехи еще славяне, и что хотят остаться славянами. Такое всемирнейшее принятие действует у нас западных славян несравненно. Оно совершеннейшее мое награждение, и по этому простому убеждению я оставил в ящике все так он убрал.

Ваши *Desideranda* от 13/25 Декабря прошл. года я старался собрать, но вполне еще не удалось.⁴ IV. 655. не напечатана. 401, 406, 410 и 648 до сих пор не нашел.

VI. 41 а) 73 б) 101, 424 и 994 надеюсь скоро найти.

VI. 294, 874, 907, 1071 и 1092 посылаю. *Handenstein Reception* я записал. *Šafařík Starožitnosti* 1837 буду искать.⁵ Познанско издание в двух томах полно. *Пмят. Югослов.* 1851 посылает автор на большой бумаге.⁶ *Geschichte der slav. Sprache u. Litt.* 1826 очень редка.⁷

Прилагаемая при сем роспись показывает,⁸ что я за это время успел собрать — но как уже сказано, что я уже отчаялся в наидении первого ящика, я пренебрегая росписью, которая попала в другая бумаги, я ся не могу нисколько найти, и должен покорнейше просить сообщить мне первые слова заглавий этой посылки. — Вы милостиво простите меня что я наполнил пустые места в ящике вместо как обыкновенно соломою или сеном, моими книжками, которые *Измаил Иванович*⁹ возмет для своих слушателей.

Остромирово Евангелие, этот основной камень нашего первоначального общего просвещения. Я сделал издание в маленьком формате и положил 8 экземпляров в бархатном переплете. Вы изволите располагать с ними по Вашему собственному мнению и приличию — я со всем согласен. Они были мною назначены его императорскому величеству, их императорским высочествам цесаревичу, великим князьям Константину, Николаю и Михаилу Николаевичам, ся императорскому высочеству великой княгини Марии Николаевне Светлогорской, и его сиятельству графу Владимиру Федоровичу Адлербергу, и последний прошу покорнейше милостиво от меня принять, как слабый знак моего высокопочитания, прочих 13 с надписей доставят гг. Срезневский или Тюрин или кому поведете, по надписям. Знаю что я виноват, грешу на Вашу благосклонность ко мне.

Книжка на мадарском языке содержит историю венгерских карпато-русов, думаю что и она в Ваше собрание.

Прилагаемое при сем письмо в Министерство внутренних дел от профессора Петрика¹⁰ содержит известие о его изобретении по части телеграфов, извольте милостиво его послать куда следует.

* Публикация Т. Н. Копреовой.

¹ Текст печатается с сохранением грамматических особенностей подлинника. При публикации опущен твердый знак; i = и; h = e.
² Издание В. Ганки вышло в Праге в 1853 г. форматом in 8° (206 стр.) с предисловием на чешском, русском, сербском, польском и болгарском языках.

³ Краледворская Полиглотта — сборник эпических и лирических песен, составленный В. Ганкою и выданный им за древнечешский памятник. Опубликован в 1819 г.

⁴ В. Ганка неоднократно выполнял по просьбе М. А. Корфа обязанности книжного комиссионера, особенно в части южнославянских произведений печати. Перечисленные в письме номера указывают на соответствующие номера списка «*Desideranda*», в котором перечислялись сочинения, разыскание и приобретение которых библиотека считала желательным.

⁵ Šafařík P.-J. *Starožitnosti slovanské*. Praha, 1837.

⁶ Šafařík P.-J. *Pamatky dřevního písemnictví Jihoslovanů*. Praha, 1851.

⁷ Šafařík P.-J. *Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten*. Ofen, 1826.

⁸ Роспись в деле отсутствует.

⁹ Профессор Петербургского университета Измаил Иванович Срезневский.

¹⁰ Petžina František Adam — известный чешский физик.

Samopog — Самопор — изобретение Риттерберга.

С чувством наилучшего почтения и совершенной преданности, всегда и везде неизменяемый имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Вячеслав Ганка.

Прага 15/27 января 1853.

Еще принесли Beschreibung der böhmischen Münzen для г-на Рейхля и Клос и Новый журнал естественных наук Ziva.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Письмо П. И. Кеппена в Академию наук

В императорскую Академию наук

Наконец древнейший из дошедших до нас памятников Русской письменности — Остромирово Евангелие — сделался доступным филологам, давно жаждущим его видеть в полном составе. Драгоценным этим подарком ученые обязаны И. Академии наук.¹

Как член этой Академии я однако же не могу не сожалеть, что при изданной под ее покровительством книге нет удовлетворительного Литературного известия о рукописи, не раз уже обращавшей на себя внимание любителей отечественных древностей и славянской филологии. Признаюсь, меня это огорчает и я прошу И. Академию наук принять меры к тому, чтобы этот явный недостаток был пополнен. Радуюсь полному изданию Остромирова Евангелия, я не могу однако же думать, чтобы справедливость не требовала упомянуть хотя в особом приложении о том, что до сего времени сделано было в отношении к ознакомлению ученого света с этою древнейшею рукописью кирилловского письма.²

Кому известны филологические и библиографические обязанности издателей древних памятников, тот без сомнения согласится со мною в справедливости представляемого здесь на внимание Академии замечания, тем более что и самые шрифты резаны не для полного ныне вышедшего издания, но для напечатания 12-ти Евангелий и послесловия, вошедших в состав первой книжки Собрания Славянских памятников, которая издана в 1827 году на иждивение покойного Государственного канцлера Графа Ник. Петр. Румянцова.³

Ордин. акад. П. Кеппен.

2 ноября 1843 г.

¹ В 1835 г. археолог и историк А. Д. Чертков — основатель некогда знаменитой полной библиотеки о России библиотеки — передал присужденную ему за «Описание древних русских монет» половину Демидовской премии в распоряжение Академии наук на издание какой-нибудь старинной русской рукописи. В следующем году, по предложению известного археолога акад. Ф. И. Круга, близкого к кружку Румянцова и к Востокову (в пользу последнего он в свое время отказался от заведования Румянцевским музеем), Академия наук ассигновала эту сумму на издание Остромирова евангелия. Поэтому П. И. Кеппен имел все основания заявить, что своим изданием Остромирово Евангелие обязано Академии наук.

² Как можно судить из дальнейшего, П. И. Кеппен имеет в виду свои публикации сведений об Остромировом евангелии и текстов из него, хотя прямо об этом не пишет и называет не себя, а гр. Румянцова, «иждивением» которого было опубликовано Собрание славянских памятников Кеппена.

³ Замечания Кеппена были полностью учтены Востоковым и в окончательном варианте предисловия к изданию Остромирова евангелия (стр. V—VI) были названы все лица, писавшие до этого времени об этом памятнике, причем особенно подробно были отмечены издания Кеппена. Опасаясь, очевидно, вновь обидеть Кеппена, Востоков прямо пишет, что использовался для своего издания его шрифтами, хотя это было и не совсем так. Сравнение шрифтов в изданиях Кеппена и Востокова убеждает в их значительной разнице. Востоков если и взял шрифты Кеппена, то значительно их улучшил, стремясь максимально приблизить литеры к форме букв оригинала.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

Официальное письмо дирекции Публичной библиотеки министру народного просвещения относительно отыскания сведений об Остромировом евангелии

17 марта, № 198.

Господину Министру Народного Просвещения.

Из предисловия к изданному в 1843 году г. Востоковым Остромирову Евангелию видно, что это Евангелие, находившееся прежде в Новгородском Софийском Соборе, найдено было покойным Я. А. Дружининым в покоях императрицы Екатерины II, после ее кончины, и поднесено им, в 1806 году, блаженной памяти Императору Александру I-му, который повелел хранить оное в И.П. Библиотеке. Но когда и кем эта рукопись поднесена была Императрице Екатерине, неизвестно, как равно не сохранилось в наших делах и того Высочайшего повеления, по которому она передана в Библиотеку.

Предполагая что в Архиве Министерства Народного просвещения могут находиться ближайше о сем сведения, я имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство приказать сделать о том нужную справку и о всем, что найдется в делах к разъяснению истории этого драгоценного памятника русской письменности и святыни, почтить меня Вашим уведомлением.¹

Подписал: Директор, Статс-Секретарь Барон М. Корф.
Скрепил: помощ. Директора Князь В. Одоевский.

¹ Ответ на это письмо последовал менее чем через месяц — 14 апреля 1851 г. за подписью самого министра народного просвещения, известного писателя «шишковиста» кн. П. А. Ширинского-Шихматова, возглавлявшего одно время Археографическую комиссию Академии наук. В ответе сообщалось, что в делах министерства просвещения нет «никаких сведений о поднесении имп. Екатерине II Остромирова евангелия, а равно не имеется и того Высочайшего повеления, по которому эта книга была передана в Императорскую библиотеку». (Арх. ГПБ, 1851 г., дело № 27, л. 2). Подробности и даты поднесения Остромирова евангелия Екатерине II и передачи его в Публичную библиотеку до сих пор остаются неизвестными.

Это была не первая и не единственная попытка дирекции Публичной библиотеки выяснить судьбу Остромирова евангелия. В упоминавшемся выше (стр. 19) «Фельетоне» А. Ф. Бычкова между прочим говорится: «Директор библиотеки письменно обращался к разным ведомствам, в архивах которых, по его мнению, можно было ожидать сведения об Остромировом евангелии. — Н. Р.], но все его сношения оказались бесплодными».

Л. П. ЖУКОВСКАЯ

ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛИЯ

Основным и главнейшим предварительным условием изучения Остромирова евангелия¹ в настоящее время является издание его, причем издание такое, которое обеспечит точное воспроизведение рукописи. До сих пор еще нет научного, адекватного оригиналу, издания памятника. Издание А. Х. Востокова,² составившее эпоху в свое время, хотя и не воспроизводит вполне идентично оригинал, все же и сейчас остается лучшим, так как фотолитографированные издания Савинкова³ содержат много искажений. Однако издание А. Х. Востокова в настоящее время стало библиографической редкостью, а главное, в нем много неточностей. М. М. Козловский указал свыше 700 ошибок⁴ в издании Востокова, не считая неверной передачи буквы ъ как ы и пропущенных титл над сокращенными словами. Поэтому даже для изучения языка памятника, не говоря уже о палеографическом исследовании его, до сих пор необходимо пользоваться самой рукописью. Естественно, что это при неоднократном повторении может нанести большой вред сохранности памятника, а также сделает ничтожным круг лиц, которым будет доступно изучение его.

Новое издание Остромирова евангелия должно быть осуществлено с применением новейших достижений полиграфии; так как значение этого памятника для русской науки, для славистики вообще и для истории культуры трудно переоценить. Издание нужно сопроводить палеографическим списанием памятника, сделанным с учетом всего того, что уже было выявлено в палеографии Остромирова евангелия. Такое описание необходимо при издании потому, что есть важные палеографические вопросы,

¹ В последнее время появились написания того и другого слова, входящих в состав названия этого памятника, с прописной буквы, как это принято в канонической литературе. Оснований для такой орфографии нет. Даже дореволюционные исследователи Остромирова евангелия писали с прописной буквы только слово «Остромирово» (см., например, указанные ниже работы М. М. Козловского, Ф. Ф. Фортунатова). Такое написание является правильным, так как в данном случае имя собственное составляет прежде всего из притяжательного прилагательного «Остромирово», и только соединение этого прилагательного со словом «евангелие» делает словосочетание «Остромирово евангелие» собственным именем соответствующего памятника письменности.

² Восток в А. Х. Остромирово евангелие 1056—1057 г. СПб., 1843.

³ Остромирово евангелие 1056 — 1057 года, хранящееся в Императорской Публичной библиотеке. СПб., Иждивением Ильи Савинкова, 1883; то же — 1889.

⁴ Козловский М. М. Исследование о языке Остромирова евангелия. — В кн.: Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885—1895, стр. 119—127.

о которых не позволит судить никакос, даже самое точное, воспроизведение оригинала.

Тщательное палеографическое исследование рукописи, особенно если оно будет сделано специалистом-лингвистом, может непосредственно дать материал и для изучения языковых фактов. Так, уже при реставрации Остромирова евангелия Е. Х. Трей отметила случаи написания по соскобленному на листах 4, 11 и 26. Но она не отметила, например, букву *e*, написанную по выскобленному *o* в слове «дънехъ»,¹ на которую указал еще М. М. Козловский.² Между тем этот факт при сопоставлении его с другими аналогичными фактами и при правильной интерпретации, имеет важнейшее значение для установления абсолютной хронологии падения редуцированных и различных морфологических процессов, связанных с этим явлением.

Весьма остро стоит вопрос об изучении графики и орфографии Остромирова евангелия.

Система графики, т. е. употребления знаков письменности, складывается не только из употребления тех или иных букв, но и из употребления разного рода знаков, сопровождающих эти буквы. До сих пор не вполне ясны закономерности употребления некоторых букв в Остромировом евангелии (например, букв йотированного *a*, юса малого, *e*, йотированного *e*, *ou*, *ю*, *o*, омеги, букв *л*, *н* с отворотом вверху направо, обозначающих соответствующие мягкие звуки, и др.), хотя судить о них даже по имеющимся изданиям, видимо, можно. Роль изучения этих букв трудно преувеличить. Оно поможет решить крупные фонологические и фонетические вопросы (подробнее о которых ниже), актуальные для эпохи первых памятников. Так, например, очень важно выяснить, существовали ли особые фонемы [ū], [ā], обозначающиеся буквами *ю*, йотированным *a* (реже — юсом малым), или эти буквы обозначали только какую-то степень мягкости предшествующего согласного; существенно определить, имелись ли отличия в произношении некоторых звуков в заимствованных словах от произношения звуков исторически сложившейся фонетической системы славянских языков. Предполагать существование таких особенностей составляют некоторые факты истории языка (таковы, например, произношение заднебных согласных перед гласными переднего ряда в заимствованных словах, произношение редуцированных звуков, не обусловленных этимологией в группах согласных иностранных слов) и некоторые особенности графики, выявленные в других, близких по времени написания, памятниках (например, преимущественное употребление нейотированного *e* вместо *e* йотированного после букв, обозначающих гласные звуки, в иностранных словах в Мстиславовом евангелии).

Не изучены и надстрочные знаки, употребляющиеся в Остромировом евангелии. Между тем еще М. М. Козловский сделал интересные наблюдения о различном употреблении надстрочных знаков над буквами заднебных *к*, *г*, *х* в заимствованных словах в Остромировом евангелии и других старославянских памятниках, о характерном для ряда памятников, в том числе и Остромирова евангелия, употреблении *ї* и др. Интересно отметить, что для ближайших по времени написания аналогичных русских

¹ л. 2796. Здесь и далее столбцы рукописи помечаются буквами русского алфавита по порядку: столбцы лицевой стороны листа обозначаются слева направо буквами *a* и *б*, столбцы оборотной стороны буквами *в*, *г*. Цифра, стоящая в некоторых случаях следом за буквой, указывает номер строки (всегда сверху вниз).

² Козловский М. М. Указ. соч., стр. 75.

памятников выявляются некоторые особенности в употреблении надстрочных знаков. Так, М. А. Соколова¹ отметила особое употребление надстрочного знака .. (две точки) в Архангельском евангелии 1092 г., в котором они заменяли буквы, обозначавшие редуцированные звуки. Надстрочные знаки в форме небольших скобочек или запятых в Мстиславовом евангелии 1115—1117 гг., отделенном от Остромирова евангелия всего периодом в 60 лет, имеют свою закономерность употребления: 1) они ставятся при пропуске букв, обозначавших редуцированные, 2) над многими буквами гласных, которым не предшествует согласный, в том числе и не после [j], 3) обозначают мягкость некоторых согласных, парных с соответствующими несмягкими фонемами. Есть ли какие-либо аналогичные закономерности в Остромировом евангелии и, если есть, то в чем они заключаются, — это до сих пор неясно.

Беглые и непосредственные наблюдения, произведенные нами над рукописью во время юбилейных выставок Остромирова евангелия, организованных Отделом рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, позволяют отметить: 1) разницу в начертаниях и, видимо, в употреблении надстрочных знаков у первого писца Остромирова евангелия, написавшего листы 1—24, и диакона Григория, написавшего лист 25 и последующие, 2) известную соотносительность в употреблении надстрочных знаков в Остромировом и в Мстиславовом евангелии 1115—1117 гг. Так, например, надстрочный знак в форме запятой с очень маленьким тонким хвостиком первый писец ставит несколько раз в таких положениях: 1) при пропуске буквы редуцированного звука (например, «в'сакъ» — л. 126 11); 2) перед буквой *e* (нейотированным) для обозначения сочетания *je* (например: «вѣры не' емл'ете» — л. 15г 12); 3) между буквами *л* или *н*, обозначавшими мягкий согласный (возникший в общеславянском из сочетаний *lj*, *nj* и губной согласный $\vdash j$), и последующей буквой *e* (например «въ н'его» — л. 12в 15; «по н'емъ» — л. 15г 18; «приемл'ете»² — л. 15в 11; «не' емл'ете» — л. 15г 12).

Проверить сделанные наблюдения на материале всей рукописи очень важно. Сопоставление полученных данных с фактами, извлеченными из других памятников, возможно, прольет свет и на место создания Остромирова евангелия.

Исследователи славянских древних рукописей обычно незаслуженно мало внимания уделяют употреблению разделительных знаков. Не изучены разделительные знаки и в Остромировом евангелии, хотя они весьма важны и для лингвистики и для палеографии.

Можно полагать, что писцы, которые ставили разделительные знаки на строке свободно, а не в определенном месте (к таким относится, например, первый писец Остромирова евангелия и не принадлежит диакон Григорий), пытались в отдельных случаях передать смысловые различия самым местом постановки разделительного знака. Так, например, первый писец Остромирова евангелия на листе 11 б в предложении «и не буди невѣрь//нѣ'нъ вѣрьъ»³ (Иоанн XX. 27) поставил разделительный

¹ Соколова М. А. К истории русского языка в XI веке. — «Известия по русскому языку и словесности», 1930, т. III, кн. 1, стр. 99, 100 и др.

² Полужирные буквы *e*, *я*, *у*, *ю* заменяют здесь и ниже соответственно буквы *e* и *a* йотированные, юс большой и юс большой йотированный; буква *a* обычная (нежирная) передает юс малый, в подавляющем большинстве приводяемых примеров нейотированный.

³ Знак // здесь » ниже указывает на конец строки в рукописи Остромирова евангелия.

знак — запятую — между двумя *нѣ* в положении над буквами, чтобы сделать ее более заметной и тем самым подчеркнуть смысловое противопоставление и оградить читающего от ошибочного чтения, особенно возможного в условиях существования слабых редуцированных [ѣ] и [ѥ] как особых фонем.

Изучение смысловой роли разделительных знаков историками синтаксиса даст, вероятно, обильную жатву. В условиях слитного написания текста они прежде всего позволят выявить словосочетания, представляющие единое смысловое целое. Небесполезно изучение их и для характеристики строения предложения.

Изучение разделительных знаков палеографами даст материал для суждения о школах письма и, кроме того, часто может стать определителем границ работы писцов. Выявление школы писцов Остромирова евангелия, возможно, будет способствовать определению диалектной принадлежности их и тем самым места создания памятника.

Не менее важно, чем выявить школы письма, — установить особенности оригиналов или оригиналов (если их было несколько), с которых был списан памятник. Этому вопросу была посвящена работа Ф. Ф. Фортунатова «Состав Остромирова евангелия».¹ Ф. Ф. Фортунатов пришел к выводу, что особенности языка первых 24-х листов Остромирова евангелия по сравнению с остальным текстом, на которые обратил внимание еще М. М. Козловский,² восходят к разным оригиналам. На какой-то период стало казаться, что характер этих оригиналов Ф. Ф. Фортунатовым выявлен, что многие неясности раскрыты. Но когда в 1913 г. Н. М. Каринский³ установил, что различающиеся по языку части Остромирова евангелия написаны разными писцами, вопрос об оригиналах, с которых списано Остромирово евангелие, снова стал неясным. Теперь он должен быть пересмотрен заново.

В связи с проблемой оригиналов и протографов Остромирова евангелия закономерно встает вопрос о редакции, к которой принадлежит этот памятник.

На основании анализа некоторых особенностей графики Остромирова евангелия по сравнению с другими старославянскими памятниками, произведенного М. М. Козловским, можно сделать вывод, что текст Остромирова евангелия восходит к редакции, которая была близка к греческому оригиналу. Как известно, в настоящее время господствует точка зрения, что первоначальный перевод евангелия был написан глаголицей. Остромирово евангелие, восходя к другой редакции, позволяет установить, что эта редакция была кирилловской по графике, а не глаголической. Это следует из того обстоятельства, что в Остромировом евангелии имеются совпадения с греческим текстом в написаниях личных имен через буквы «кси» и «пси», тогда как древнейшие глаголические евангелия как тетры, так и апракос (например, Ассеманиево евангелие) не знают этих букв. Правильные, с точки зрения этимологической, написания имен собственных в протооригинале могли появиться только под пером переводчика или редактора, справлявшегося с написанием соответствующих слов

¹ Фортунатов Ф. Ф. Состав Остромирова евангелия. — В кн.: Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. Ч. 2. Спб., 1908, стр. 1416—1479.

² Козловский М. М. Указ. соч.

³ Каринский Н. М. Письмо Остромирова евангелия (Палеографический очерк). — В кн.: Сборник Российской Публичной библиотеки. Т. 1, вып. 1. Пг., 1920, стр. 168—192.

в греческом оригинале, а не под пером простого писца, переписывавшего текст с глаголического оригинала.

По употреблению буквы «*омега*» Остромирово евангелие также ближе к греческому тексту, особенно по сравнению с Ассеманиевым евангелием.

Остромирово евангелие имеет ряд особенностей, характеризующих его как принадлежащее к Симеоновой школе. Но параллельно есть другие черты, которые сближают его с глаголическими тетраевангелиями, в частности с Маринским.

Определение отношения Остромирова евангелия к другим древнейшим старославянским текстам до сих пор остается актуальной задачей. Рассмотрению этого вопроса отчасти посвящен доклад А. С. Львова: «Особенности лексики Остромирова евангелия¹», но он, естественно, не решает всего объема стоящих задач.

История переводов и редакций текстов старославянских и древнейших русских канонических памятников является в настоящее время весьма актуальной проблемой. Ей будет посвящен ряд докладов на предстоящем IV Международном съезде славистов в 1958 г.

Изучение всех сторон языка по многим рукописям, причем не только самым древним из дошедших до нас (как отмечают исследователи, иногда древнейшие черты языка сохраняются в сравнительно поздних списках), изучение всех сторон языка первого перевода, такое же изучение второго перевода и, если будет доказано существование третьего, то и третьего, дадут возможность говорить о чертах языка, свойственных каждому переводу. Дальнейшее изучение не только лингвистическое, но и филологическое в широком смысле слова позволит отнести появление каждого из переводов к определенному месту и времени. За этим должно будет последовать изучение редакторских изменений, сознательно проведенных в разное время и в разных местностях. Все это вместе взятое может поставить на твердую основу решение вопроса о славянских диалектах, отраженных в старославянских памятниках, и даст новый достоверный материал для истории славянских языков древнейшего периода.

При рассмотрении Остромирова евангелия в ряду других памятников выявляется, что оно сравнительно одиноко среди других русских списков евангелия XII—XIV веков, подавляющее большинство которых относится к так называемой «русской редакции». ² Остромирово евангелие — один из важнейших памятников старославянского языка. Важно отметить, что оно, будучи по языковым данным одним из основных и притом самым ранним списком «русского извода», по текстологическим и лексическим особенностям не относится к «русской редакции». Это делает актуальной проблему изучения текста Остромирова евангелия не только в сравнении с древнейшими собственно старославянскими памятниками, но и сравнение с ним русских памятников XII—XIV веков.

В связи с этим нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что в древней Руси в середине XI — начале XII вв. уже существовало несколько школ писца и что древняя Русь обладала не только известным количеством рядовых писцов, переписывавших канонические тексты, не боясь вносить в них некоторые черты живого русского языка (противоречившие русским произносительным нормам), но, по-видимому, и таки-

¹ Доклад А. С. Львова был прочитан на юбилейной сессии в Публичной библиотеке — см. наст. изд., стр. 67.

² См. Воскресенский Г. А. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода евангелия от Марка по 112 рукописям евангелия XI—XVI вв. М., 1896.

ми писцами, которые осуществляли сознательное редактирование текста.

До сих пор нельзя признать решенной окончательно проблему места написания Остромирова евангелия и, что главное, вопрос о диалектной принадлежности его писцов. Между тем в настоящее время, когда в научный оборот введен новый источник для изучения истории языка — новгородские берестяные грамоты, — особенно целесообразно рассмотреть эту проблему заново.

Аргументация сторонников новгородского происхождения писцов Остромирова евангелия не представляется особенно убедительной. К таким работам относится прежде всего статья Н. М. Волкова «О не-новгородском происхождении диакона Григория, писца Остромирова евангелия»¹ и указанная выше работа Н. М. Каринского «Письмо Остромирова евангелия». В пользу новгородского происхождения писцов Остромирова евангелия, с точки зрения указанных авторов, говорит: 1) отсутствие других древнейших новгородских рукописей, столь же роскошных, как Остромирово евангелие, 2) отсутствие писцов-профессионалов в Новгороде, имевших роскошные почерки одного стиля, 3) связь диакона Григория с Киевом, которую авторы находят в содержании записи диакона Григория, и 4) главное, в отсутствии специфически новгородских языковых черт в языке Остромирова евангелия. Все эти положения в настоящее время можно признать более чем спорными. Открытие А. В. Арциховским новгородских берестяных грамот позволяет утверждать, что древний Новгород был крупнейшим культурным, а не только политическим и торговым центром древней Руси, и что грамотность уже в XI в. была распространена среди всех сословий древних новгородцев.² Сепаратистские устремления Новгорода, о которых писал Б. А. Рыбаков,³ говорят скорее за написание Остромирова евангелия в Новгороде, а не в Киеве.

Вопрос об отсутствии в языке писцов Остромирова евангелия специфически новгородских языковых особенностей является весьма сложным. Отсутствие следов изменения [ѣ] в [и] в определенных положениях и последовательное употребление буквы ѣ в памятнике не является доказательством в пользу новгородского происхождения для рукописи середины XI века.⁴

Что касается цоканья как черты, присущей древнему новгородскому говору, то этот вопрос требует еще своего детального рассмотрения. Отсутствие отражения цоканья в таких новгородских берестяных грамотах XI в. как № 9 и, по-видимому, также № 109, вряд ли случайно. Независимо от того, что следует считать причиной возникновения цоканья, нельзя признать, что в середине XI в., когда написано Остромирово евангелие, цоканье в языке жителей Новгорода должно было быть всеобщим. Тем более в языке книжников-профессионалов, какими были дьякон Григорий и первый писец, написавший начальные 24 листа; различие двух аффрикат под влиянием книжного произношения могло задержаться на сравнительно длительный период времени (по крайней мере, 2—3 поколения).

¹ «Журн. м-ва нар. прос.», 1897, № 12, стр. 443—446.

² См. Арциховский А. В. и Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., Акад. наук СССР, 1953; Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., Акад. наук СССР, 1954; его же. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., Акад. наук СССР, 1955.

³ Рыбаков Б. А. «Остромирова летопись». — «Вопросы истории», 1956, № 10, стр. 46—59.

⁴ См. Арциховский А. В. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот..., стр. 92.

Таким образом, языковые данные, на основании которых обычно устанавливается принадлежность Остромирова евангелия Новгороду, не являются безупречными, а отсутствие смещения *ц* и *ч* в Остромировом евангелии не позволяет утверждать, что оно киевского происхождения. Остромирово евангелие в равной степени могло быть написано и писцами-новгородцами.

Все изложенное не позволяет безоговорочно поддержать приведенное выше положение Н. В. Волкова и Н. М. Каринского. Поэтому в настоящее время еще нужно установить и доказать, является ли Остромирово евангелие памятником письменности древнего Новгорода, или оно является новгородским только по назначению (написано для новгородского посадника Остромира и, видимо, принадлежало затем длительное время Софийскому собору в Новгороде). Можно полагать, что этот важный для истории русской письменности и истории языка вопрос еще может быть решен при более скрупулезном анализе палеографии, графики и орфографии памятника, чем это имело место в старых работах, и при учете фактов новгородских берестяных грамот.

В этой связи нельзя не остановить внимания на особенности графики третьего писца Остромирова евангелия, написавшего золотые заглавия в листах с 21-го (или 25-го) по 40 об. и с 131 по 154 об.,¹ который употребляет для обозначения редуцированных только одну букву, именно *ѣ*. Возможно, что в этом же плане следует рассматривать и другие имеющиеся в Остромировом евангелии и указанные М. М. Козловским² написания буквы *ѣ* вместо *ь*: дѣбрь,³ зѣдания,⁴ съзѣдати,⁵ съзѣда,⁶ съзѣдана;⁷ наречий: правѣ⁸ и свободѣ;⁹ дѣни,¹⁰ мѣзду,¹¹ сѣнѣмъ,¹² вѣся,¹³ бѣсѣрь,¹⁴ осьель,¹⁵ вѣторѣник,¹⁶ пятѣница,¹⁷ запечатѣль,¹⁸ тиверѣядьска,¹⁹ окрѣстьяня,²⁰ цѣвѣтоносѣня,²¹ а также употребление буквы *ѣ* вместо *ь* после букв, обозначающих шипящие.

Аналогичное употребление буквы *ѣ* вместо *ь* имеет место в новгородских берестяных грамотах, например в № 109, относящейся А. В. Арциховским²² к XI в. Это совпадение одной из особенностей графики некоторых частей Остромирова евангелия и некоторых новгородских берестяных грамот требует внимательного изучения и объяснения. Возможно, что оно не является случайным.

* * *

До сих пор наиболее изученной является орфография Остромирова евангелия, на основании анализа которой вот уже на протяжении почти полутора столетий делаются выводы о фонетических и грамматических особенностях старославянского языка и древнерусского языка. Так, именно Остромирово евангелие дало богатый материал для суждения о русском изводе старославянского языка. Однако разрешены далеко не все вопросы

¹ Каринский Н. М. Письмо Остромирова евангелия (Палеографический очерк). — В кн.: Сборник Российской Публичной библиотеки. Т. 1, вып. 1. Пг., 1920, стр. 171 и 185.

² Козловский М. М. Указ. соч., стр. 41.

³ Остромирово евангелие, л. 258.

⁴ Там же, л. 81. ⁵ Там же, лл. 162, 179. ⁶ Там же, лл. 61а, б, 78а, г, 95. ⁷ Там же, л. 9. ⁸ Там же, л. 223. ⁹ Там же, лл. 29, 72. ¹⁰ Там же, л. 32. ¹¹ Там же, лл. 32, 65. ¹² Там же, лл. 17, 284. ¹³ Там же, л. 204. ¹⁴ Там же, л. 60. ¹⁵ Там же, л. 110. ¹⁶ Там же, лл. 25, 33. ¹⁷ Там же, л. 36. ¹⁸ Там же, л. 10. ¹⁹ Там же, л. 15. ²⁰ Там же, л. 70. ²¹ Там же, л. 140.

²² Арциховский А. В. Раскопки 1954 года в Новгороде. — «Вопросы истории», 1955, № 2, стр. 62.

языка, которые могут быть поставлены уже в настоящее время (а каждое новое время может породить новые вопросы) и которые могут быть разрешены на основании анализа письма Остромирова евангелия.

Языковые вопросы, которые обычно решаются на основании изучения материалов памятника письменности, как известно, могут касаться фактов чисто синхронных, относящихся ко времени написания памятника, и фактов диахронии, которые характеризуют язык предшествующих эпох и его развития. Ни в том, ни в другом плане данные Остромирова евангелия нельзя признать исчерпанными.

Для исторической фонетики материал Остромирова евангелия должен рассматриваться и с фонологической и с фонетической точек зрения.

К фонологическим вопросам относятся такие, которые характеризуют состав фонем, как например указанная выше проблема существования особых фонем [ā], [ū], обозначавшихся на письме буквами юс малый, йотированный юс малый, йотированное а, буквой ю.

Значительный интерес с этой точки зрения представляет то обстоятельство, что в Остромировом евангелии встречаются написания букв ъи и ѣи вместо ожидаемых и имеющих место написаний более поздних памятниковъ и ѣи; в частности, это имеет место в именит. падеже ед. числа прилагательных мужского рода. На основании анализа всех имеющихся написаний ѣи или ѣи, а также написаний буквы ѣ вместо и, с одной стороны, на основании учета всех случаев, где были редуцированные [y], [i] (о которых свидетельствует сравнительная грамматика славянских языков) и анализа написаний писцов Остромирова евангелия в этих случаях, с другой стороны, нужно решить вопрос, были ли в живом русском языке середины XI в. особые звуки [y] и [i] редуцированные, или написания букв ѣи (ы) в Остромировом евангелии являются только данью традиционной орфографии. Возможно, что в ходе исследований будут получены какие-то факты, которые позволят квалифицировать в этом отношении систему славянских гласных в эпоху первых переводов. Пока же все это остается неясным.

В ходе этого анализа найдут свое место нестяженные формы имен прилагательных во множественном числе (-ѣихъ, -ѣимъ, -ѣими, -ѣихъ, -ѣимъ, -ѣими) и, возможно, формы нечистъѣихъ¹ и члвчѣи (единственное число),² квалифицированные А. А. Шахматовым³ как описки.

Одним из существенных вопросов является вопрос о слоговости плавных в древнерусском языке в середине XI в. Остромирово евангелие содержит интереснейший материал по нему, характеризующий особо каждого из писцов.

К чисто фонетическим проблемам, как известно, относятся проблемы собственного качества отдельных звуков речи. Например, безусловный интерес представит решение такого важного для сравнительной фонетики славянских языков вопроса, как вопрос о качестве «л» в отдельных славянских языках древнейшей поры: был ли этот звук (не из сочетаний [j] или губной + j) в положении перед гласными заднего ряда велярным [ɫ], или был средним [l], так называемым «европейским».

Для некоторых древних славянских диалектов закономерен фонологический вопрос: было ли в языке три фонемы: [л], [л'] (из сочетаний [j] или

¹ Остромирово евангелие, л. 290а.

² Там же, л. 150г.

³ См. Лескин А. Грамматика старославянского языка. Пер. с нем. с доп. по языку Остромирова евангелия. М., 1890, стр. 183.

как эпентетический *l* после губных) и [л'], или их было две? Если две, то какие именно: [л] и [л'] или (l) и (l')? Если было три разных «л», то как решается аналогичный вопрос для [н] и особенно для [р]?

Материал для решения этого вопроса отчасти содержится и в Остромировом евангелии. Это прежде всего заимствованные из греческого оригинала имена собственные с основой на [л]. Например, следует объяснить написание в Остромировом евангелии слов *Салафилъ* при винительном падеже *Салафила*, но *Зоровавельъ* — *Зоровавела*.¹

До сих пор не рассматривался вопрос о качестве славянского [р] в древнейшую эпоху. Материал для постановки его, а может быть, и для правильного решения имеется в Остромировом евангелии. Возможно, что именно в связи с различным качеством согласного [р] в восточнославянском языке X—XI веков, южнославянских языках IX—XI веков и в греческом языке IX века находятся случаи колебания в Остромировом евангелии написаний: *Елизарь*, *Елиазара*,² а также *статирь*,³ вместо *статиръ* в южнославянских глаголических евангелиях и Саввиной книге.

Нет сомнения, что древнейшие памятники и, может быть, в первую очередь Остромирово евангелие, еще прольют свет на древнейшие диалектные процессы, имевшие место в славянских языках. Так, например, на основании изучения Остромирова евангелия можно полагать, что не во всей восточнославянской языковой области проходил процесс палатализации задненёбных согласных перед новыми гласными переднего ряда, образовавшимися из дифтонгов (ср. написание *пасхъ* на лл. 184б, 220а, 256в в Остромировом евангелии, если только его не следует вообще рассматривать в свете фактов, характеризующих задненёбные согласные или только сочетание *сх* в заимствованных словах в положении перед гласными переднего ряда).

Материал Остромирова евангелия в сопоставлении с соответствующим материалом других древнейших памятников позволяет заново поставить вопрос об абсолютной хронологии некоторых языковых изменений.

Так, в вопросе о составе славянского слога неясно: 1) когда и в какой языковой области раньше перестала быть актуальной тенденция к возрастающей звучности слога, и 2) когда прекратилось действие так называемого «закона открытого слога». Для этого, в частности, должны быть рассмотрены все случаи употребления букв *ѣ*, *ь*, не обусловленных этимологией, в Остромировом евангелии, по сравнению с написаниями этих же слов в соответствующих местах в других памятниках, а также написания этих слов без букв *ѣ*, *ь* в других местах Остромирова евангелия. Материал для этого в Остромировом евангелии имеется.

Одним из частных вопросов, связанных с проблемой открытости слога, является вопрос о наличии редуцированного [ъ] после предлогов-приставок [из], [без], [раз], [въз]. В Остромировом евангелии имеется написание *изъ* с буквой *ъ* на конце.⁴ Возможно, они свидетельствуют о том, что восточные славяне имели диалектную особенность — редуцированный звук на конце указанных предлогов-приставок, если только в русской школе письма уже с середины XI в. не стало складываться правило писать в указанных случаях букву *ѣ* по аналогии с другими предлогами-приставками, имевшими этимологический [ъ]. Последнее свидетельствовало бы уже

¹ Остромирово евангелие, л. 247а.

² Там же, л. 247б.

³ Там же, л. 72в.

⁴ Там же, л. 111а.

о существовании определенной грамматической школы, причем в этом отношении русская школа, по-видимому, должна быть противопоставлена восточноболгарской школе письма Симеоновой эпохи.

Выше, как возможное влияние новгородской школы письма, интерпретировались случаи употребления буквы ѣ вместо ъ в Остромировом евангелии. Однако эти факты настолько сложны, что еще ждут своего окончательного истолкования. Если они не являются данью орфографии какого-то предшествующего южнославянского списка и не появились под влиянием определенной новгородской школы, то в них отразились факты живого восточнославянского языка писца. Сложен вопрос о том, что же именно отразилось в этих написаниях, если они появились под влиянием живой речи: полумягкое произношение согласных перед гласными переднего ряда? начавшийся процесс отвердения шипящих? утрата слабых редуцированных? Если это факт живой речи, то опять-таки важно найти решение вопроса, какой русский диалект отразился в Остромировом евангелии. Но для этого нужно, прежде всего, детальное рассмотрение всех тонкостей палеографии, графики и орфографии Остромирова евангелия в их совокупности. Методом изучения только отклонений от тех написаний, которые «правильно повторяются во всех древних памятниках церковнославянского языка вообще»,¹ — этим методом новые факты в области языка и письма Остромирова евангелия вряд ли могут быть получены.

Мы отметили вопросы фонетики, которые встают сейчас при рассмотрении графики и орфографии Остромирова евангелия. Некоторые другие вопросы поставлены А. А. Шахматовым, в частности в начале указанной выше работы, где он говорит о руссизмах, внесенных переписчиком. Среди этих вопросов есть и такие, которые пока не могут быть признаны решенными.

Вполне возможно, что решению поставленных вопросов будет способствовать предварительное изучение их на материале аналогичных памятников русской редакции, близких к Остромирову евангелию по времени и, возможно, по месту написания, т. е., прежде всего, Мстислава и Юрьевского евангелий.

Сказанное относится, естественно, не только к вопросам фонетики, но и в меньшей степени и к морфологии.

* * *

Несмотря на то, что Остромирово евангелие изучается лингвистами с самого начала зарождения научного языкознания, до сих пор не собрано полного материала, характеризующего его морфологическую систему.

Нет сомнения, что при решении важнейшей для истории имен существительных проблемы перераспределения типов склонения (перехода от склонения в зависимости от звукового типа основы к склонению по грамматическому роду) и взаимовлияния различных типов в процессе этого перехода, материал Остромирова евангелия должен занять далеко не последнее место. Морфологический материал должен быть изучен полностью с учетом фонетических закономерностей языка и отражения их на письме в Остромировом евангелии каждым из писцов в отдельности, а также в необходимых случаях с рассмотрением лексико-грамматических и лексико-семантических групп, которые вовлекались в первую очередь в те или иные изменения.

¹ Козловский М. М. Указ. соч., стр. 25.

Из частных вопросов склонения на основании сопоставительного изучения материала Остромирова евангелия и аналогичных южнославянских памятников, по-видимому, можно будет в дальнейшем выяснить причину, по которой в Остромировом евангелии сохраняется для существительных мужского рода, обозначающих лица и живые существа, старая форма винительного падежа, равная именительному, вместо новой формы винительного, равного родительному падежу. Как отмечал М. М. Козловский, в этих случаях другие древнейшие евангелия опережают Остромирово. Нужно выяснить, отражают ли эти формы живое произношение в древнерусском языке той эпохи (что, впрочем, сомнительно), или они обязаны своим существованием в памятнике несохранившемуся оригиналу, с которого было списано Остромирово евангелие и который в таком случае сохранял более древние черты языка первого перевода, чем другие, дошедшие до нас рукописи евангелия.

Требуют объяснения и формы винительного падежа единственного числа с окончанием *-е* вместо *-ь* в словах женского рода с основой на согласный: *дщере, любве, матере, цркъве*. М. М. Козловский¹ указал 24 случая их употребления. По его же данным, Ассеманово евангелие совершенно не знает этих форм, а в Маринском, Зографском и Саввином они ничтожны. Сравнительное рассмотрение текстов, в которых отмечены эти формы, возможно, осветит вопрос о том, на какой территории они впервые появились. Материалу Остромирова евангелия в решении этого вопроса принадлежит немаловажная роль.

Представляется, что и для некоторых вопросов истории полных прилагательных и причастий может быть получен ценный материал путем доскопального исследования их по Остромирову евангелию в ходе сравнения этого материала с фактами других древнейших памятников.

Так, можно полагать, что восточнославянской языковой области были свойственны из числа нестяженных только формы множ. числа с окончаниями *-и, -ихъ, -имъ, -ими*, но не окончания *-еи, -еихъ, -еимъ, -еими*. Это вытекает из того обстоятельства, что в Маринском, Зографском евангелиях и в Саввиной книге встречается довольно много форм второго типа, тогда как в Остромировом евангелии М. М. Козловский отмечал только формы *-ихъ, -имъ, -ими* или соответствующие стяженные *-ихъ, -имъ, -ими*² (правда, нами случайно отмечено одно исключение: *ядущемъ* — на л. 244г).

В окончании именительного падежа множественного числа причастий мужского рода имеется большое количество примеров с окончанием *-еи*. Но зато наряду с ними отмечены незаконномерные окончания *-и* в причастиях, выступающих в роли подлежащего: *сътвориши*,³ *сущи*,⁴ *въходящи*,⁵ *противлющиися*,⁶ *стоящи*,⁷ *плачущи ся*,⁸ *противлящи ся*.⁹ В некоторых случаях эти окончания отмечены в причастиях-определениях при согласовании с существительным: *народи же ходящи*,¹⁰ *придѣте къ мѣнѣ вси троужающися*,¹¹ *людие съдящи*.¹²

Примеры на окончание *-еи* в прилагательных М. М. Козловским не указаны, хотя в заголовке он пишет: «В именительном падеже множественного числа *прилагательных* (курсив мой. — Л. Ж.) и причастий

¹ Козловский М. М. Указ. соч., стр. 66.

² Там же, стр. 59.

³ Остромирово евангелие, л. 146.

⁴ Там же, л. 356. ⁵ Там же, л. 97г. ⁶ Там же, л. 106а. ⁷ Там же, лл. 163в., 181а. ⁸ Там же, л. 212а. ⁹ Там же, л. 225б. ¹⁰ Там же, л. 141а. ¹¹ Там же, л. 244б. ¹² Там же, л. 262в.

с мягким сложным окончанием примеров с *-ei* гораздо больше, чем с *-ии* или стяженным *-и*.¹ Этот вопрос, следовательно, должен быть пересмотрен с привлечением материала всего памятника.

В области глагола первое место для столь древней эпохи занимают вопросы о значении различных временных форм, о наличии тех или иных из них в разных славянских языках эпохи первых из дошедших до нас памятников и в языке первых переводов. Полноценный материал по ним будет получен, по-видимому, лишь при пересмотре его по всем древнейшим памятникам, с учетом границ разных переводов и разных редакций, и прежде всего по евангелиям, поскольку они дают особенно хорошо сопоставимый материал.

Важным свидетельством того, что Остромирово евангелие за 130-летний период, отделяющий его от эпохи Симеона, имело значительное число списков-предшественников, имевших уже черты русского извода, является употребление окончания *-ть* вместо *-тѣ* в 3-м лице глагола настоящего и будущего времени. На этот факт исследователи обращали внимание очень давно. Другой факт — наличие форм 3-го лица единственного числа без окончания (*напише* в записи диакона Григория, и «е» — лл. 53г, 65в). возможно, следует объяснить с привлечением фактов современных русских диалектов. Материалы, собранные для составления Диалектологического атласа русского языка, содержат много данных для истории этой формы. Возможно, что здесь не последнюю роль играли также факторы, связанные с употреблением разных глагольных времен в эпоху первых памятников. Важно в связи с этим отмеченное М. М. Козловским обстоятельство, что глагольная форма «е» в Остромировом евангелии находится в тех же местах, где и в других древнейших евангелиях.

Соотношение стяженных и нестяженных форм в имперфекте, видимо, правильно было объяснено Н. М. Каринским, который считал, что формы на *-ѣше*, употребленные 9 раз в первой части при только двух случаях в огромной второй части Остромирова евангелия, написанной диаконом Григорием, вызваны тем, что «первый писец мог списать эту форму с оригинала, между тем второй, привыкший к растяженным формам приписки, мог даже иногда исправлять в этом случае оригинал при переписке».²

Указанные вопросы далеко не исчерпывают всех тех проблем, которые встают и неизбежно встанут в ходе дальнейшего изучения Остромирова евангелия лингвистами. При рассмотрении их всегда следует обращаться непосредственно к материалу памятника, постоянно имея в виду, что материалы, приводимые даже в такой обстоятельной работе, как «Исследование» М. М. Козловского, слишком неполны. Неясно, например, количественное отношение приведенных им примеров ко всем случаям употребления данной формы (для морфологии) или данной позиции (для фонетики) в памятнике. В тех же случаях, когда автор дает обобщающие формулировки, они могут не соответствовать действительности (см. выше замечание, где автор говорит о прилагательных и причастиях, но приводит материал только для причастий; утверждает отсутствие форм с окончанием *-емѣ*, а они имеются).

* * *

Об изучении синтаксических вопросов частично говорилось выше. Изучение синтаксиса Остромирова евангелия — дело почти не начатое. Но

¹ См. Козловский М. М. Указ. соч., стр. 60.

² Каринский Н. М. Указ. соч., стр. 185.

для этого необходимо прежде всего сопоставление материалов Остромирова евангелия с материалами других аналогичных древнейших славянских рукописей и с непременным привлечением греческих рукописей VIII—X веков.

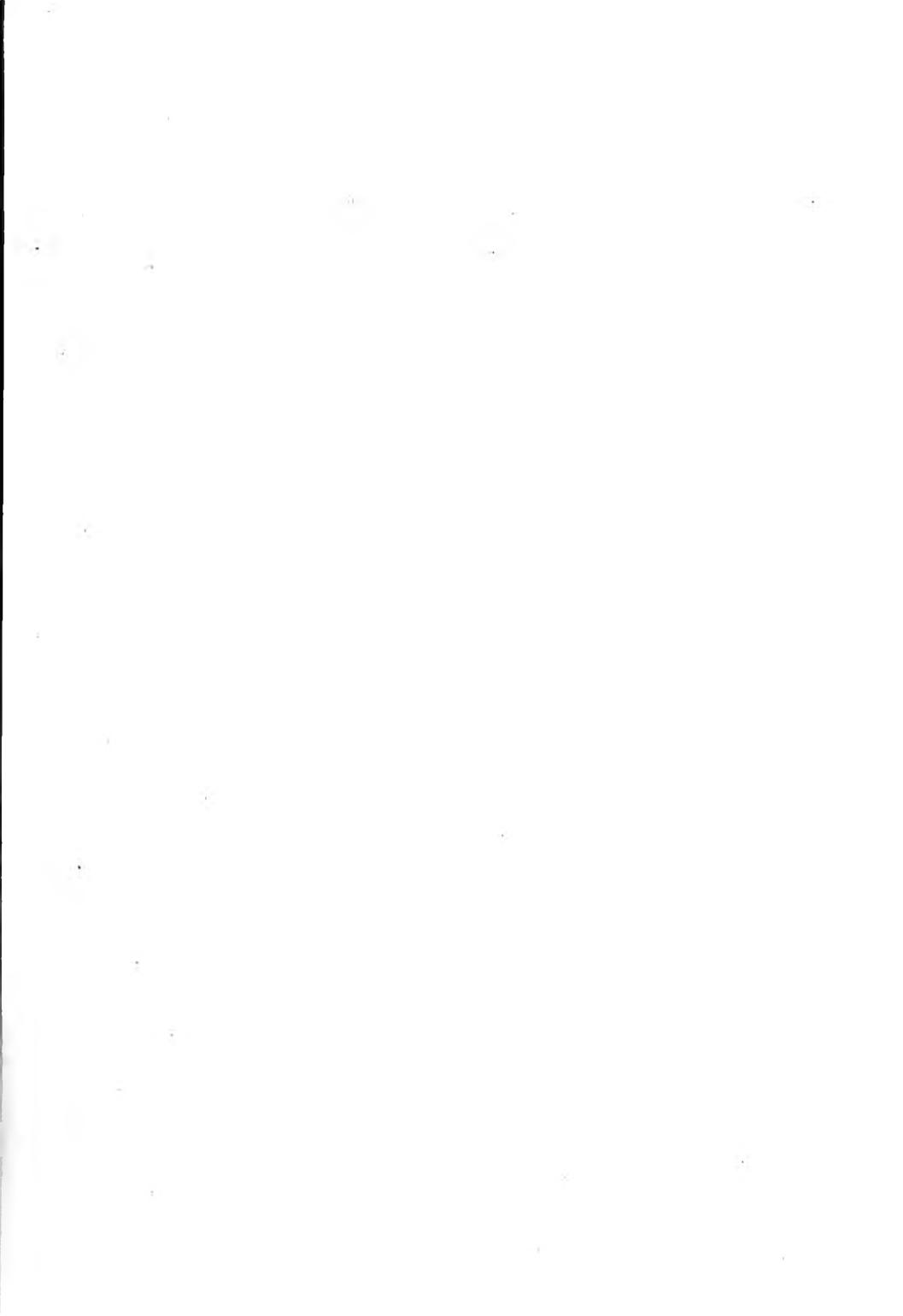
Сказанное о сопоставительном изучении вопросов синтаксиса еще более актуально для лексики.

Крайне полезным предварительным этапом изучения лексики могло бы явиться составление словаря Остромирова евангелия с указанием всех случаев употребления слов в тексте. Словоуказатель, составленный А. Х. Востоковым и приложенный к первому изданию Остромирова евангелия в 1843 г., сыграл огромную роль в деле изучения лексики славянских языков. Однако он неудобен для пользования и является, действительно, словоуказателем, а не словарем. К тому же и как словоуказатель он имеет недостатки — он не полон. Например, М. М. Козловским указано 9 случаев¹ употребления форм *сыноу* с окончанием *-оу* в дательном падеже единственного числа, а в словоуказателе Востокова имеется только два из них, не указан пример *пасхъ* на л. 1846 и др.

* * *

Перечисленные лингвистические и филологические вопросы, связанные с изучением Остромирова евангелия, не претендуют на полноту. Мы указали лишь некоторые из тех, которые не разрешены или должны быть пересмотрены с новым привлечением всего материала. Нет сомнения, что лицо, которое будет производить лингвистическое описание Остромирова евангелия, так же, как и лица, которые будут исследовать отдельные языковые вопросы по Остромирову евангелию с привлечением фактов из других памятников и из живых славянских языков и диалектов, поставят указанные вопросы глубже и осветят новые, которых мы здесь по разным причинам не касались; со временем будут освещены и такие вопросы, которые в настоящий момент еще вообще не стоят.

¹ Козловский М. М. Указ. соч., стр. 69.

А. Н. СВИРИН

ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ КАК ПАМЯТНИК ИСКУССТВА

Остромирово евангелие (1056—1057), древнейший памятник русской письменности, при всестороннем изучении вызывает целый ряд сложных вопросов как лингвистических, так и художественных, оставшихся ещё далеко не решёнными.

Настоящее сообщение не претендует на окончательное исследование Остромирова евангелия как памятника искусства, а лишь имеет целью показать его художественные достоинства. Вопрос об авторстве миниатюр едва ли будет когда-нибудь окончательно решен, так как до настоящего времени неизвестен памятник, близкий по своей художественной природе к Остромирову евангелию.

За 20 лет до окончания Остромирова евангелия летопись под 1037 г.¹ говорит о князе Ярославе, что он «... и книгам прилежа, почитая часто в день и в нощи; и собра писце многы, и прекладаше от Грек на Словенский язык писма и списаша многы книги» и дальше: «...и многы списавь положи в церкви святой Софии, юже созда сам...». Очевидно, что Ярослав был основателем первой библиотеки при Киевской Софии и в его время уже было много книг, переписанных и переведенных с греческого языка. Несомненно, что и в последующее время это собрание пополнялось. Весьма вероятно, что среди этих книг мог быть и протооригинал Остромирова евангелия.

С момента поступления в Публичную библиотеку в 1806 г. Остромирово евангелие привлекало внимание ученых как памятник, имеющий огромное значение для русской филологической науки; что же касается его художественного облика, то он остался без внимания со стороны людей начала XIX века. Весьма интересна в этом отношении характеристика миниатюр в журнале «Лицей» за 1806 г., указывающая на полную неизвестность древнерусского искусства в эту эпоху. («Живопись груба, но служит доказательством, что и в то время уже в ней упражнялись»²). П. И. Келлер дает краткое общее описание Остромирова евангелия в книге «Список русским памятникам».³

Одна из ранних работ, посвященная Остромирову евангелию, — труд А. Х. Востокова, изданный в 1843 г., «Остромирово евангелие 1056—1057 гг. с приложением греческого текста евангелия и с грамматическими

¹ Летопись по Ипатскому списку. Спб., 1871, стр. 106.

² «Лицей», 1806, ч. 2, кн. 1, стр. 101.

³ Келлер П. И. Список русским памятникам. М., 1822, стр. 20—22.

объяснениями и с литографированными воспроизведениями миниатюр», исполненными с прорисей.¹

В шестидесятых годах К. Герц обратил внимание на миниатюры Остромирова евангелия на страницах 5 книжки «Летописей русской литературы и древностей». В 1863 г. В. В. Стасов написал статью «Замечание о миниатюрах Остромирова евангелия».²

Отмечая памятную дату Остромирова евангелия, надо вспомнить с чувством благодарности «С.-Петербургского купца Илью Савинкова», издавшего в 1883 г. своим «иждвением» фотолитографическим способом всё евангелие с цветными миниатюрами и начальной заставкой перед текстом. Конечно, это издание очень далеко от оригинала, но тем не менее им можно пользоваться, хоть и с большими оговорками, при изучении художественного облика Остромирова евангелия.

Отдельные миниатюры давно воспроизводились в популярных историях русской литературы и русского искусства. В. В. Стасов в своем капитальнейшем труде «Славянский и восточный орнамент»³ дал цветные воспроизведения одной миниатюры, заставок и заглавных букв (листы XLIX, L). Несколько слов о миниатюрах Остромирова евангелия сказано в книге А. И. Некрасова «Древнерусское изобразительное искусство».⁴ В 1950 г. вышла работа А. Н. Свирина «Древнерусская миниатюра».⁵ Затем уделено внимание Остромирову евангелию как произведению искусства в «Истории культуры древней Руси»⁶ и в «Истории русского искусства».⁷ М. В. Алпатов в своем труде «Всеобщая история искусства»⁸ дает краткую характеристику миниатюр Остромирова евангелия и воспроизводит миниатюры с изображением Марка (рис. 70), отмечает стилистическую близость их с мозаиками XI в. Софии Киевской, изображающими апостолов. В книге Л. В. Черепнина «Русская палеография»⁹ воспроизведена миниатюра с изображением Луки с подписью: «миниатюра Остромирова евангелия, изображающая писца за работой». В большинстве случаев в указанных работах воспроизводятся миниатюра Луки, заставка и буквы, заимствованные из атласа В. В. Стасова.

В «Описании русских и славянских пергаменных рукописей», составленном Е. Э. Гранстрем, Остромирово евангелие описано с достаточной полнотой, приведены тексты приписок и список литературы.¹⁰

Остромирово евангелие — первое драгоценное произведение русского книжного искусства середины XI в. Следует особо отметить, что история русского искусства книги открывается такой великолепной рукописью. Остромирово евангелие написано на прекрасно выработанном белом пергамене, являющемся фоном, подчеркивающим четкость начертания тек-

¹ Остромирово евангелие 1056—1057 гг. ... Спб., 1843.

² Стасов В. В. Собр. соч. Т. 2. Спб., 1894.

³ Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент... Спб., 1887.

⁴ Некрасов А. И. Древнерусское изобразительное искусство. М., Изогиз, 1937.

⁵ Свирина А. Н. Древнерусская миниатюра. М., «Искусство», 1950.

⁶ История культуры древней Руси. Т. 2. М.—Л., Акад. наук СССР, 1951, рис. 40, 42.

⁷ История русского искусства. Т. 1. М.—Л., Акад. наук СССР, 1953, стр. 99, 225, 252, 253.

⁸ Алпатов М. В. Всеобщая история искусства. Т. 3. М., «Искусство», 1955, стр. 57.

⁹ Черепнин Л. В. Русская палеография. М., Госполитиздат, 1956, стр. 148.

¹⁰ Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, стр. 15—16 (Гос. Публ. б-ка. Труды Отдела рукописей).

стов, написанных в два столбца монументальным, спокойным и величественным уставом. Пристальное изучение характера каждой буквы обнаруживает их пропорциональность и удивительную простоту построения. Фактура и цвет пергамента обогащают художественный облик многочисленных заглавных букв и особенно выделяют их «драгоценность» и декоративность.

Переходя к рассмотрению миниатюр, отметим, что ещё в 1860 г. К. Герц в 5 книжке «Летописей русской литературы и древностей» высказал мысль об их стиле, совпадающую со взглядами современных исследователей. Он писал: «Миниатюрист, украсивший Остромирово евангелие, воспроизвел в своих четырех миниатюрах (миниатюр только три.—А. С.) всю технику так называемой инкрустированной эмали, бывшей тогда в исключительном употреблении в Византии... Глядя на эти миниатюры, можно принять их с первого взгляда за эмали: очертания фигур сделаны как будто из золотых пластинок и промежуточные пространства между ними наполнены соответственной каждому изображаемому предмету краскою». ¹ «Ювелирный» характер обрамлений всех трёх миниатюр и двух композиций евангелистов и заглавных букв несомненен. Остромирово евангелие имеет только три миниатюры: Иоанна Богослова, Луки и Марка, отсутствует изображение Матфея, но для него был оставлен чистый 57 лист. Почему не написан Матфей — это навсегда останется неизвестным. Начальная страница украшена большой прямоугольной заставкой; как бы венчающей оба столбца. 17 малых заставок помещены над столбцами. Таковы основные элементы, составляющие художественный облик Остромирова евангелия.

Первая миниатюра изображает евангелиста Иоанна, стоящего с поднятыми руками, обращенными к орлу, держащему свиток. За Иоанном сидит перед низким столом с письменными принадлежностями, поджав ногу, его ученик Прохор. Лицо Иоанна не сохранилось, но волосы на голове и борода переданы крупными прядями, подчеркнутыми пробелами. Таким же приёмом отмечены глубокие складки его хитона и гиматия. Глубокие глазные впадины, подчеркнутые тенью, и румянец на щеках характеризуют лицо Прохора. Эти приёмы сближают миниатюру с произведениями живописи. Перед Иоанном стол и пюпитр с лежащей на нем раскрытой книгой и кресло с высокой спинкой. Вся композиция на золотом фоне вписана в обрамление в виде квадрифолия, нижняя его часть заполнена орнаментом, изображающим мозаичный пол, на котором стоит Иоанн. Квадрифолий обрамлен широкой золотой полосой, покрытой растительным орнаментом, напоминающим выемчатые эмали. Пространство между лопастями заполнено золотым орнаментом эмалевого типа. Вверху изображен шагающий лев с опущенной головой, как бы смотрящий на то, что происходит внизу. Контуры фигуры льва, глаза, пасть и грива очерчены золочеными линиями. Это очень редкое изображение в искусстве книги древней Руси. Смысл этого изображения толкуется как символическое изображение Христа. ²

Следовательно, первая миниатюра соединяет в себе чисто живописную манеру передачи фигур и обрамление, стилистически близкое к произведениям ювелирного искусства. Таким же приемом дана фигура льва.

В Остромировом евангелии, кроме первой миниатюры, форма квадри-

¹ «Летописи русской литературы и искусства», 1860, № 5, стр. 60.

² Уваров А. С. Недреманное око Спасово. Древности. — В кн.: Труды Московского Археологического о-ва. Т. I. М., 1865—1867, стр. 125.

фолия повторяется ещё на миниатюре с изображением Марка. По поводу этой формы можно высказать несколько соображений.

Среди произведений искусства киево-византийского круга эта форма часто встречается в различного рода памятниках. В Трирской псалтыри в обрамление в виде квадрифолия вписана композиция Распятия.¹

В греческом евангелии конца XI в.,² хранящемся в Палатинской библиотеке, на л. 137 написана почти квадратная заставка с вписанной в квадрифолий композицией Рождества. Четкая орнаментация заставки и тонкая передача обрамления квадрифолия придают ей облик произведения ювелирного искусства.

Эта форма встречается в ряде произведений ювелирного искусства киевского происхождения. Так, например, золотое ожерелье, найденное в 1827 г. в Киеве, состоит из звеньев в виде квадрифолия с цветным эмалевым украшением.³ В собрании, принадлежавшем Звенигородскому, была золотая пластинка в форме квадрифолия с пергородчатой эмалью.⁴

Вторая миниатюра изображает стоящего евангелиста Луку с лицом и руками, обращенными вверх, в сторону его символа: тельца, держащего раскрытый свиток.

Художник передал не молитвенное обращение к символу, а момент получения божественного откровения, исходящего с неба в виде символа.

На переднем плане перед Лукой стол с письменными принадлежностями и попир с развернутым листом, с текстом, написанным на одной из его сторон. За ним виднеется здание с аркой, опирающейся на колонны, и с отдернутой завесой между ними. Скамья с подушкой и ковер дополняют композицию миниатюры. Миниатюра обрамлена довольно широкой полосой с орнаментом, состоящим из цветов, заключенных в круг, и с цветами по углам.

Художественные приёмы этой миниатюры совершенно иные, чем в только что рассмотренной. Фигура Луки, его лицо, руки, ноги, нимб и ковер переданы плоскостно, тонкими золотыми линиями, отграничивающими один цвет от другого.

Нимб символа темно-синего цвета с тонким золотым орнаментом, окружен киноарной линией. Телесный цвет лица, рук и ног сближают художественный облик миниатюры с пергородчатыми эмальями, широко известными на Руси еще с X века.⁵

На хитоне и гиматии золотые линии передают складки, не отграничивая один цвет от другого, но по красочному сочетанию пурпура гиматия с тончайшими золотыми линиями эти приемы также навеяны пергородчатыми эмальями. С необычайной тщательностью художник передает узор клава, состоящего из белых кружков на хитоне Луки, причем он не только отчетливо виден на плече и на видимой части хитона, сзади, но и три белых кружка написаны на едва заметной его передней части.

Третья миниатюра даёт изображение сидящего евангелиста Марка, вписанное в квадрифолий, включенный в квадратное обрамление всей композиции.

Марк, подняв лицо, держит в руках раскрытую книгу, в которой он

¹ Кондаков Н. П. Изображение русской княжеской семьи. Спб., 1906, табл. 3.

² Лазарев В. Н. История Византийской живописи. Т. 2. М., «Искусство», 1948, табл. 149.

³ Кондаков Н. П. Русские клады. Т. 1. Спб., 1896, табл. X.

⁴ Кондаков Н. П. История и памятники византийской эмали. Спб., 1892, табл. 18.

⁵ Там же — таблицы с пергородчатыми эмальями.

пишет золотом, — деталь, напоминающая написанные золотом кодексы библиотеки византийских императоров. Он обрабатывается к своему символу — льву, держащему книгу. Эта книга заслуживает внимания. Она с красным обрезом, с двумя золотыми застежками на каждой стороне, с верхней доской переплета, орнаментированной золотом по пурпуровому фону, и с золотыми наугольниками. Очевидно, эта деталь передает внешний вид драгоценной книги XI в.

В трактовке фигуры Марка много общего с рассмотренной выше миниатюрой с изображением Луки. Лицо, руки, ноги, фон, состоящий из цветов «лилий», переданы в стиле перегородчатых эмалей. Складки хитонов и гиматия отмечены тонкими золотыми линиями так же, как и в предыдущей миниатюре.

Затем надо отметить обрамление миниатюр. Обрамление первой и третьей миниатюр по своему характеру чрезвычайно близко к произведениям ювелирного искусства. Что касается рамки миниатюры с изображением Луки, то она по своей орнаментации очень напоминает заставки византийских рукописей XI в.¹ Весьма существенен вопрос об авторах миниатюр. Существует предположение о двух художниках, выполнявших миниатюры, основанное на различных стилистических решениях: живописном — первой и графическом — второй и третьей, а так как первая миниатюра написана на листе пергамента, входящем в состав первой тетради, то это даст некоторое основание предполагать, что её автором был дьякон Григорий. Что касается двух последующих, то они объединены графическим стилем выполнения и к тому же находятся на внешних листах. Эти миниатюры, очевидно, являются произведением другого художника, связанного с киевской художественной традицией. Как отмечалось выше, М. В. Алпатов сближает миниатюру Марка с мозаическим изображением апостолов в алтаре Софии Киевской. Это сближение можно продолжить, сопоставляя орнаментацию обрамления миниатюры Марка с фресковым орнаментом в Михайловском приделе той же Софии.²

Занимаясь Остромировым евангелием как памятником искусства, нельзя не привлечь т. н. Мстиславова евангелия³, писец которого «Алекса сын попа Лазаря», начав писать в 1103 г., закончил работу в 1117 г., т. е. через 60 лет после окончания Остромирова евангелия. Мстиславово евангелие имеет все четыре миниатюры иконографически близкие к трем миниатюрам Остромирова евангелия — Иоанну, Луке и Марку. Имеющаяся в Мстиславовом евангелии миниатюра Матфея (табл. V) особенно интересна, т. к. в Остромировом этого изображения нет. Принимая во внимание почти полную тождественность орнаментальных мотивов того и другого евангелия и учитывая наличие изображения Матфея в Мстиславовом и отсутствие его в Остромировом, можно утверждать, что дьякон Григорий и «Алекса» писали с некоего общего протооригнала.

Этот неизвестный протооригинал обусловил появление на протяжении 60 лет двух замечательных произведений искусства книги древней Руси. Затем следует остановиться на рассмотрении орнаментации заставок. На втором листе имеется большая прямоугольная заставка, вен-

¹ Weitzmann K. Die Byzantinische Buchmalerei des IX. und X. Jahrhunderts. Berlin, 1935, Taf. 218.

² Орнаменты Софии Киевской. Под ред. И. А. Грабовского. Киев, 1949, стр. 56.

³ С и м о н П. К. Мстиславово евангелие начала XII в. Спб., 1910, табл. IV—VII.

чающая два столбца текста, причем на середине на белом фоне пергамента сделана золотом надпись с именем евангелиста и указанием соответствующей главы. Орнаментация заставки состоит из золотого фона замкнутыми кругами с помещенными в них цветными на стеблях. Близкие по композиции заставки, соответствующие отдельным столбцам текста, находятся на листах: 127, 204 об., 243, 263 об., 267 об., 283. Подобный орнамент часто встречается в византийских рукописях X—XI вв.¹

Художественный облик Остромирова евангелия, как отмечалось выше, не ограничивается только миниатюрами и заставками. Любая раскрытая страница текста представляет собой прекрасное произведение рукописного искусства. Тонко найдено сочетание цвета пергамента и цвета чернил текста, написанного спокойным уставом, и как драгоценные, изысканнейшие произведения ювелирного искусства выступают начальные буквы. Тончайшие золотые линии очерчивают не только их наружные контуры, но и разделяют отдельные цветовые детали, составляющие буквы в целом. Сочетания тонких, почти волосяных золотых линий со светлой по краскам цветной гаммой придают странице особенное величие.

Сложные композиции букв бесконечно разнообразны, причем иногда кажется, что встречаются повторения уже виденных построений, но при ближайшем рассмотрении всегда видны те или иные изменения, внесенные художником. Эти, иногда трудно уловимые, отклонения придают необыкновенное разнообразие и богатство орнаментации рукописи в целом.

Высокая художественная одаренность диакона Григория сказалась в безукоризненной каллиграфической стороне евангелия. Надо оценить, как строчки текста входят очертания заглавной буквы, не прикасаясь к ним, выделяя, в целях особой четкости, необходимый для них фон.

Стасов² совершенно справедливо оценивает каллиграфическую сторону Остромирова евангелия: «... здесь проявляется столько тонкого вкуса, художественного умения, грации, нежных и деликатных сочетаний, что их невозможно относить к работе простого каллиграфа, либо должно признать, что каллиграфы XI века были в то же время отличные живописцы своего времени». Несомненно, что Григорий и был этим «отличным живописцем», написавшим в чисто живописной манере и в сочетании с «ювелирно» выполненным обрамлением миниатюру с изображением Иоанна. Эту миниатюру он увенчал монументально трактованным львом, как бы идущим по верхнему краю обрамления. Этой детали нет в евангелии Мстислава.

Обилие заглавных букв не дает возможности останавливаться на каждой из них, поэтому здесь будут рассмотрены некоторые, особенно обращющие на себя внимание. На листе 17 написана буква «В». В круглой верхней части вписано человеческое лицо без волос и шеи, в виде диска, без всякого выражения. Цвет лица вполне соответствует цвету лица на перегородчатых эмалях. Этот тип лица без шеи вызывает мысль о возможности изображения символа солнца. Наряду с только что описанным лицом встречаются попытки художника передать чувство и настроение, притом оставаясь в пределах изобразительных приемов перегородчатых эмалей. Так, на листе 54 в букву «В» вписано человеческое лицо с грустным выражением, оживленное румянцем. На листе 64 об. в букву «В» снова вписано лицо с грустным выражением; ему придана некоторая

¹ Weitzmann K. Указ. соч., рис. 237.

² Стасов В. В. Замечания о миниатюрах Остромирова евангелия. — В кн.: Стасов В. В. Собр. соч. Т. 2. Спб., 1894, стр. 131.

живописность тем, что красная линия очерчивает нос и подчеркнуты складки на лбу.

На листе 27 в верхней части буквы «Р» вписано профильное изображение обращенного вниз лица с румянцем, переданное очень обобщенно и очерченное киноварной линией.

На л. 32 об. художник в букву «Р» вписывает профильное изображение головы старика с большими черными глазами, длинной закручивающейся бородой, отмеченной пробелами по голубой краске. Выступающие части лица несколько высветлены. Это лицо производит впечатление фрески, сошедшей со стены на страницу книги.

Чрезвычайно интересно передано сосредоточенное выражение лица со взглядом, прямо обращенным на читателя, вписанное в букву «В» на листе 290 об. Правильность передачи черт лица с румянцем, применение живописных приёмов в его трактовке придают ему особенную значительность. С неменьшим артистизмом, чем большие буквы, художник написал малые начальные буквы. На листе 283 и на целом ряде других можно видеть букву «М». Сохраняя обычное начертание этой буквы, присущее уставному письму, художник передает тонкими золотыми линиями ограничивающие ее цветные части и обогащает букву трехлопастной пальметтой, укрепленной внизу её средней части. Наконец, художник пишет малые буквы только контуром без применения краски, а в конце книги можно видеть буквы, написанные только золотом; так на л. 289 об. буква «Ч» своим начертанием передает форму «чаши». Из этого краткого обзора можно заключить, насколько многообразны по замыслу и выполнению художественные решения писца в начертании букв.

Огромное большинство заглавных букв представляют собой драгоценные произведения книжного искусства, выполненные на пергамене золотом и как бы разноцветной эмалью.

Кроме приведенных примеров изображения человеческих лиц, не лишенных выразительности, большое место в композициях букв занимают «зооморфические» элементы. Затем есть ряд композиций буквы «В» на листах 34, 38 и др., обращающих на себя внимание детально, правда, не отличающейся ясностью. Нижняя часть буквы производит впечатление «штра» из роскошной орнаментированной ткани, но поставленного как бы на ребро, что, казалось бы, исключает возможность видеть в ней палатку или шатер. Какой бы предмет ни изображала эта деталь, она остается очень декоративной и обогащающей букву своей формой и орнаментацией.

Среди многочисленных заглавных букв Остромирова евангелия есть несколько, особенно обращающих на себя внимание. Так, на листе 66 об. интересно построена буква «В», имеющая в нижней своей части фантастическую фигуру с крыльями, с двумя лапами и головой, напоминающей собаку. Такое соединение в одной фигуре птицы и четвероногого животного вызывает в памяти известный образ древней иранской мифологии Сэнмурва — полуптицы, полусобаки. Среди предметов иранского серебра в Гос. Эрмитаже можно видеть многочисленные изображения Сэнмурва на блюдах, кувшинах.¹ Кроме того, Сэнмурвы изображались на тканях, так, например, на известной ткани Виктории-Альберт музея в Лондоне.² Наконец, он найден место в византийской рукописи, находящейся в Ватикане, в которой на одном из канонов также изображен Сэнмурв.³

¹ Орбелли И. А. Временная выставка сасанидских древностей. Пр., 1922.

² Falke O. Kunstgeschichte der Seidenweberei. Berlin, 1921, Taf. 63.

³ Weitzmann K. Указ. соч., рис. 515.

Не предвешая вопроса, какими путями иранское мифологическое существо попало на страницы Остромирова евангелия, надо напомнить о том, что слово «Сэнмурв» невольно вызывает в памяти название одного из божеств славянского Олимпа «Симаргл», «Симургл», хотя летопись не дает никаких данных о его виде.¹ Профессор К. В. Тревер в очень интересной работе «Сэнмурв-Паскудж. Собака-птица»² высказала вполне обоснованную мысль о возможности связи образа Сэнмурва с «Симарглой». Остается только сделать предположение, что в то время, когда диакон Григорий писал Остромирово евангелие, образ языческого божества ещё мог быть, в какой-то мере, реальным, жившим в фольклоре.

Образ «Симаргла», очевидно, жил в народной фантазии. Это подтверждается тем, что в Новгородской псалтыри XIV в. (ГПБ, собрание Фролова, Ф.п. I. № 3) имеется буква «О», в круглое обрамление которой вписано изображение, несомненно являющееся творческой переработкой облика этого древнего языческого божества.³

В Остромировом евангелии есть ещё несколько букв «В» сложного построения, причем одним из основных элементов является голова крокодила с очеловеченными глазами (см. листы 25 и 29 об.).⁴ Естественно является вопрос, почему и откуда на страницы русского евангелия попало изображение крокодила. На этот вопрос я не могу дать прямого ответа, так как среди воспроизведений византийских рукописей, доступных мне, такого изображения я не встречал. Позволю себе высказать несколько соображений относительно изображения крокодила, основанных на памятниках искусства книги древней Армении. В Венеции хранится рукопись 902 г., принадлежавшая царице Млке,⁵ в которой есть миниатюра с изображением лодок с поднятыми носами, с отталкивающимися гребцами, с поднимающимися лотосами и крокодилами. Эта композиция имеет очень много общего с мозаикой I в. н. э. из Палестрины,⁶ на которой видны также лодки, пловцы, лотосы и которая изображает сцены сельской жизни египтян в греко-римской части Египта. Если мы вспомним, что те же Сенека⁷ (I в. н. э.) сравнивает роскошно украшенные страницы книг со стеной живописью, то вполне можно предположить, что уже в раннехристианский период монументальные росписи стен или их детали могли получить свое отражение на страницах рукописей. Весьма интересно, что те же элементы (в том числе и крокодил) изображены на армянской миниатюре XII в. в Ереване.⁸

Приведенные соображения дают некоторые основания, чтобы высказать следующее предположение. Подобно тому, как сцены египтизированного водного жанра вошли на страницы армянской рукописи X в., они могли найти свое отражение и на страницах византийских рукописей и через них попасть на русскую почву. Это подтверждается миниатюрой с изображением сцены из жизни Ионы в греческой псалтыри 1074—

¹ Лаврентьевская летопись под 980 г. ПСРЛ, т. 1, ч. 1, стр. 3.

² Тревер К. В. Сэнмурв-Паскудж. Собака-птица. Л., Гос. Эрмитаж, 1937, стр. 59.

³ Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент... СПб., 1887, табл. LXVIII, рис. 9.

⁴ Стасов В. В. Указ. соч., табл. L, рис. 3, 4.

⁵ Bodurjian M. Ornaments de l'Évangile de la Reine Mlqé. Publié sur le voeu exprimé par le P. Alishan à l'occasion du millénaire du manuscrit 902—1902. Venise, 1902.

⁶ Стрелков А. С. Фаяомские портреты. М.—Л., «Academia», 1936, стр. 15.

⁷ Айвалов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1901, стр. 47.

⁸ Свириц А. Н. Миниатюра Древней Армении. М.—Л., «Искусство», 1939, рис. к стр. 26.

1081 гг. (ГПБ. Греч. 214).¹ На этой миниатюре изображен кит (более похожий на крокодила), проглатывающий Иону. Надо отметить, что в этой сцене в росписях катакомбы фигурирует не крокодил, а нечто, напоминающее дракона с загнутым спиралью хвостом. Наличие в греческой рукописи отчетливо изображенного крокодила говорит в пользу высказанного выше предположения.

Так как до нас дошло слишком ничтожное количество древнейших славянских рукописей, то весьма вероятно, что интересующие нас детали могли быть на страницах навсегда погибших рукописей библиотеки Ярослава.

В заключение настоящей первой попытки рассмотреть евангелие Остромира как произведение искусства, хочется сделать ещё некоторые замечания. После внимательного и вдумчивого просмотра рукописи невольно встает из глубины веков образ того, чьё имя девятьсот лет носит этот прекрасный кодекс, новгородского посадника Остромира и того, кто своими руками создал этот замечательный памятник—дьякона Григория. Невольно вспоминаются слова древних каллиграфов: «рука, держащая перо, со временем истлеет в гробу, но написанное живет вечно».

Иосиф, он же Остромир, родственник князя Изяслава, новгородский посадник, возможный автор «Остромировой летописи»,² знатный, богатый «вельможа», по-видимому, был человеком со вкусом, понимавшим художественный облик современной ему рукописи. Можно предположить, что, поручая Григорию написать евангелие, он не был безучастен к выбору оригинала, во всяком случае его выбор был очень удачен.

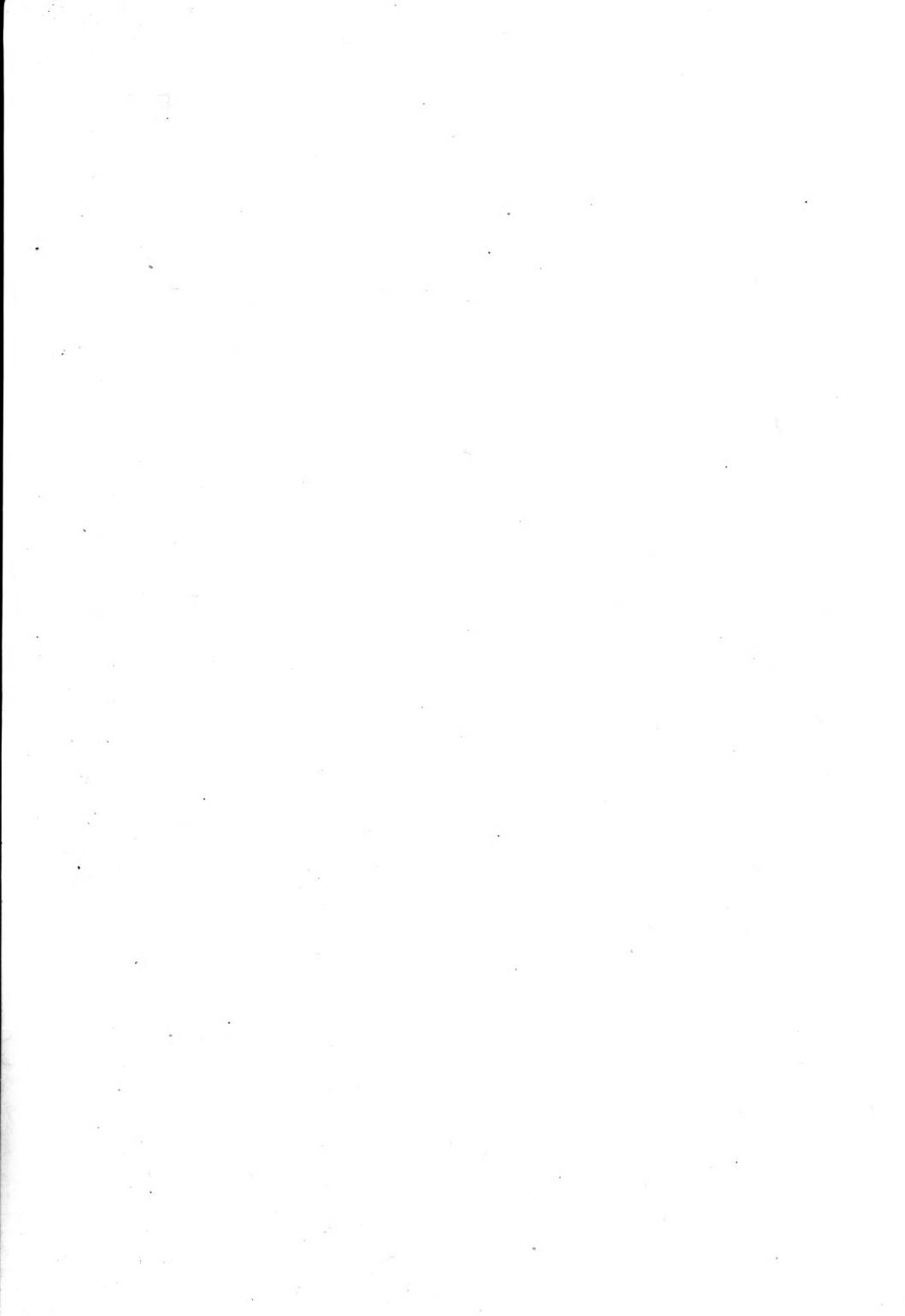
Наиболее ярко выступает образ писца и художника дьякона Григория. Он не только прекрасный каллиграф, но и одаренный художник. Он изображает Иоанна и Прохора чисто живописными приемами монументальной живописи, перелаывая свет, тени и объём, заключая их в золотое обрамление, украшенное эмалью. Но его красочная гамма значительно отличается от цветовых решений византийских эмалей в сторону большей многоцветности и яркости. Кроме того, он тесно связан с основными художественными течениями своего века, века исключительно блестящего расцвета ювелирного искусства. Григорий располагает своеобразной цветовой палитрой, отличающейся светлой тональностью, сияющей и прозрачной. Часто он даёт самостоятельные композиционные решения.

Так, например, он по-своему претворяет фигуру «Сэнмурв», сохраняя его основные характерные черты, тогда как византийский художник, как указывалось выше, просто копирует его, возможно с ткани.

Эти особенности художественного творчества Григория дают возможность видеть в нём не простого переписчика, копииста, а художника, обладающего большой культурой и вкусом; эти данные обусловили создание замечательного произведения русского книжного искусства, отразившего на своих страницах сложившиеся национальные особенности: тонкое чувство цвета, большой такт и изысканный артистизм исполнения.

¹ Лазарев В. Н. История Византийской живописи. Т. 2. М., «Искусство», 1948, табл. 137, рис. 6.

² Рыбаков Б. А. Остромирова летопись. — «Вопросы истории», 1956, № 10, стр. 46—59.

Е. Х. ТРЕЙ

РЕСТАВРАЦИЯ ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛИЯ

Настоящая статья посвящена реставрации древнейшего датированного памятника русской письменности — Остромирова евангелия, произведенной в 1955 г. Отделом гигиены и реставрации книги Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В статье дается тщательное внешнее описание рукописи, необходимое для ознакомления с процессом и результатами реставрации.¹

Великолепный памятник древнерусской культуры писан на пергамене и содержит 294 листа; переплета рукопись не имеет. Размеры листов — $29 \times 35,5$ см. Листы 81, 87, 89, 126, 291, 292, 293 и 294 одинарны. Остальные сложены надвое. Их размер в развороте — $35,5 \times 58$ см. Судя по размерам листов, пергамен, на котором писано Остромирово евангелие, выделан из телячьей кожи.

Текст евангелия писан в 2 столбца, на обеих сторонах листа. По бурому цвету чернил можно заключить, что текст писан железистыми чернилами. Но местами цвет чернил отличается: оборот второго листа и третий лист писан чернилами резко выделяющегося темно-коричневого цвета.

Этими же чернилами писаны строки от 12 до 18 и весь второй столбец на обороте листа 10, две верхние строки первого столбца и одно слово третьей строки на листе 11; 13 строк второго столбца на обороте листа 154, первый столбец и 9,5 строк второго столбца листа 155, оба столбца на листе 211, а также первый столбец и 3,5 строки второго столбца на обороте этого листа.

Следует отметить, что на обороте листа 211 на многих буквах чернила кое-где отстали от поверхности пергамена и на этих местах проступил совершенно чистый пергамен без каких-либо следов ранее написанного текста.

На обороте листов 25 и 63, на листах 84 и 292 чернила местами растеклись. Особенно сильно растекание чернил на листе 88. На обороте этого листа образовались расплывчатые чернильные пятна бурого цвета. Это произошло, очевидно, во время написания текста ввиду особой гигроскопичности пергамена.

В нескольких местах отчетливо видно соскабливание на пергамене. Это обнаруживается на листе 4 (первая строка 2-го столбца под сло-

¹ Подробное описание каждого листа см. в нашей статье «Реставрация листов Остромирова евангелия и описание их повреждений». — В кн.: Реставрация библиотечных материалов (Сборник работ). Л., Гос. Публ. б-ка, 1958, стр. 49—96.

вом «Луки», писанным темно-коричневыми чернилами — ранее здесь золотом было написано другое слово); на листе 26 под текстом, писанным золотом (в двух местах, — под первым знаком на первой строке и под двумя буквами третьей строки); на листе 11 (в верхней части внутреннего поля под четырьмя строками, писанными желтой краской, — здесь поверх частично оставшейся желтой краски полторы верхних строки писаны коричневыми чернилами); на листе 32 во втором столбце на 2-й и 13-й строках; на листе 82 во втором столбце на последней строке; на листе 83 в первом столбце на последней строке и на листе 93 во втором столбце на 1-й строке, на обороте листа 226 вся 18 строка.

На многих листах рукописи видны очень маленькие сквозные проколы, проделанные иглой или очень тонким гвоздем. Проколы могли быть сделаны писцом либо при линовании листов (с целью выдержать точное расстояние между строками), либо они являются следами от прикрепления листов пергамента к доске во время написания текста.

По толщине листы рукописи неодинаковы. Объясняется это тем, что кожа животных, из которой был выделан пергамен, как всякая другая кожа животных, по всей площади не имеет одинаковой структуры. В силу топографических особенностей кожи можно наблюдать в рукописи не только разную толщину листов, но даже один и тот же лист во многих случаях неоднороден по толщине.

Следует отметить, что кожа, из которой был выделан пергамен для Остромирова евангелия, имеет ряд пороков. К таким порокам относится, например, прижизненное поражение шкуры животного личинкой овода. На листах пергамента след от этого поражения остался в виде сквозных отверстий овальной и круглой формы с утолщенными и жесткими краями.

На некоторых листах на такие отверстия наклеен очень тонкий слой кожи в виде пленки, которая несколько отличается по цвету от самих листов рукописи: она слегка темнее. Отверстия с наклейками встречаются только на полях и обрезах листов; если они встречаются среди текста, то наклеек не имеют.

На полях листов 104, 105, 109 и 219 имеются сквозные удлиненной формы прорезы, очевидно образовавшиеся при небрежной съемке шкуры животного и во время выделки пергамента сшитые суровыми нитками. Имеются и такие пороки съемки шкуры, как выхваты в местах глубоких срезов, что проявилось в виде утонченных участков на пергамене.

На некоторых листах встречаются небольшие участки с шероховатой поверхностью. Такие шероховатости могли остаться при выделке пергамента в результате пропусков при шлифовании кожи или из-за неправильного ее шлифования.

На четырнадцать листах (235, 237, 240 об., 241, 242 об., 243, 245, 248 об., 250 об., 253, 268 об., 273, 274 об., 276 об.) отчетливо видны короткие шерстинки, оставшиеся неудаленными при сгонке шерсти и при чистке лицевой стороны шкуры. К порокам выделки кожи следует также отнести темные полосы и темные пятна на очень многих листах.

На некоторых листах рукописи встречаются небольшие сквозные отверстия круглой и овальной формы. Это не такие повреждения, которые могли бы возникнуть в процессе хранения рукописи: в этом случае повреждения на каждом листе были бы размещены последовательно, в соответствии друг другу. Здесь же отверстия разбросаны и, очевидно, проделаны личинкой жука-кожееда в сухой коже еще до выделки из нее пергамента.

Пергамен Остромирова евангелия имеет немало пороков, однако, лис-

ты рукописи сохранились хорошо. Они выдержали испытание временем. Древние мастера, выработавшие пергамен почти тысячелетие назад, обеспечили его устойчивую прочность.

Перейдем теперь к тем повреждениям, которые обусловлены не качеством выработки пергамена, а природными свойствами самой кожи. Эти повреждения зависят от условий хранения. Как известно, рукопись хранилась в нескольких местах. Около 1700 года она находилась в Воскресенской ризнице Московского кремля, а в 1720 г. была вытребована в Петербург. С 1720 по 1806 г. местонахождение Остромирова евангелия нам неизвестно. В 1806 г. оно было передано на хранение в Публичную библиотеку. Разные условия хранения в течение девяти веков не могли не сказаться на пергаменных листах. Известно, что пергамен чрезвычайно быстро и сильно реагирует на малейшие колебания температуры и влажности окружающего воздуха: при повышенной влажности воздуха волокна пергамена имеют свойство быстро набухать, а в сухом воздухе также быстро и сильно сокращаться. Изменение в состоянии волокон вызывает деформацию пергамена.

К моменту реставрации листы Остромирова евангелия были сильно покороблены, чему способствовал также и слой животного клея, который был нанесен на корешок рукописи при ее переплете. Проколы, продельные на листах у корешка, дают основание предположить, что рукопись переплеталась не один раз.

Все 294 листа рукописи имели глубокую волнообразную деформацию пергамена, которая начиналась от внутренних полей у корешка и распространялась на весь лист. Глубина ее доходила до 2 см, а в ряде случаев была еще глубже. На очень многих листах от восковых натеков образовались вдавлинности. Все листы были загрязнены, особенно те, на корешок которых был нанесен слой темного животного клея. На многих листах в корешке имелись разрывы с утраченными участками пергамена.

Нижние поля листов 114, 115, 116 и 144 были разорваны, разрывы скреплены грубо наклеенными заплатами, вызвавшими, в свою очередь, дополнительную деформацию.

Изменение условий хранения рукописи, особенно колебания температуры и влажности окружающего воздуха, а также деформация пергамена вели к образованию трещин на красочном слое, к осыпанию красок и золота на миниатюрах, заставках и заглавных буквах. Больше других пострадала миниатюра на обороте листа 1: краски лица евангелиста почти полностью осыпались; сильно осыпались краски и на других участках; золото, хотя и не всюду, сохранилось довольно хорошо.

На второй миниатюре (лист 87 об.) значительно меньше пострадали краски, кроме коричневых тонов. Подобное же положение на третьей миниатюре (лист 126).

Частично осыпались краски и золото на заставках и заглавных буквах рукописи. В основном на заглавных буквах осыпались краски синих тонов, а также голубая и белая. Во многих случаях текст, писанный золотом, частично осыпался. В таких местах в тексте проступает красноватого тона краска. Очевидно, сцепление золота с краской, а также краски с пергаменом оказались недостаточно прочными. На местах осыпавшейся краски проступает чистый пергамен.

Состояние рукописи говорит о том, что деформация пергамена и другие повреждения произошли не в результате небрежного хранения рукописи в течение последних 150 лет, а могут быть объяснены свойствами самого пергамена, красок и чернил. К этому надо еще добавить, что все

Остромирово евангелие писано на пергамене, имеющем поперечное направление волокон. А в поперечном направлении волокна наиболее быстро и интенсивно набухают и сокращаются. Естественно, что и это само по себе способствовало деформации пергамена.

Приступая к реставрации этого замечательного древнерусского памятника, мы понимали, что предстояла большая, сложная и трудоемкая работа.

Надо было найти правильную методику и технику выправления глубокой деформации пергамена, придать ему эластичность. При этом с самого начала мы поставили цель — работать над реставрацией Остромирова евангелия без применения химических реактивов, пользуясь только дистиллированной водой. Быстрый эффект реактивов мог оказаться кратковременным, и нельзя поручиться за то, что впоследствии действие реактивов не окажется безвредным для рукописи.

Что касается выправления деформированных листов, то мы столкнулись в этой рукописи с серьезными затруднениями, вытекающими из топографических особенностей структуры кожи. Выше уже говорилось, что в разных местах одних и тех же листов рукописи наблюдается различная толщина пергамена. Так как более толстые участки пергамена менее гигроскопичны, то, естественно, они медленнее впитывают в себя влагу.

При реставрации предстояло преодолеть и эту сложность, чтобы добиться одновременного выправления всех участков деформированного листа. При этом требовалась исключительная осторожность и быстрота при растягивании и расправлении деформированных участков, тем большая, что почти на каждом листе имеются писанные красками заглавные буквы, а на многих листах — художественно выполненные заставки и писанный золотом текст.

Нам предстояло найти и разработать такую методику и технику реставрационных работ, которые ни в малейшей степени не сказались бы на состоянии пергамена, на состоянии чернил и золота текста, на красках и золоте миниатур, заставок и заглавных букв.

Мы приступили к этой работе после большой и длительной подготовки и проверки методики на других материалах. Еще в 1949 году нами был найден простой, эффективный и совершенно безвредный для пергамена, чернил текстов, красок и золота метод и техника расправления деформированных листов пергаменных рукописей. В феврале 1950 года мы начали уже практическую работу по реставрации западных и русских грамот, писанных на пергамене.

С февраля 1950 года по февраль 1955 года было реставрировано более 200 грамот XI—XVI вв. Все это дало практический опыт реставрации рукописей на пергамене.

2 февраля 1955 года в Отдел гигиены и реставрации книги Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина поступили первые 8 листов (9—16) Остромирова евангелия. Закончив реставрацию этих листов, мы их представили на заключение зав. кафедрой технологии кожи Технологического института им. Ленсовета профессору Н. И. Егоркину, старшему реставратору Государственного Эрмитажа Ф. А. Каликину и зав. мастерской росписи Государственного Эрмитажа П. И. Кострову. Методика и техника реставрации Остромирова евангелия были одобрены и признаны правильными. После положительного заключения работа по реставрации Остромирова евангелия была продолжена и закончена в том же 1955 году.

Реставрация Остромирова евангелия заключалась в следующем. Каждый лист, поступивший в реставрацию из Отдела рукописей, тщательно рассматривался реставратором и состояние его описывалось, после чего начиналась непосредственная реставрационная работа.

С листов рукописи при помощи скальпеля удалялись все поверхностные наслоения в виде грубых заплат на местах разрывов пергамента, темного животного клея, натеков воска. Однако следы от натеков воска не удалялись, т. к. для их удаления было бы необходимо применить химические реактивы. С миниатюр, заставок, заглавных букв и текста, писанного золотом, пыль удалялась с помощью небольшой мягкой плоской кисти из беличьего волоса. Очищение полей, междустрочий и других не занятых текстом мест производилось мягкой резинкой, а наиболее загрязненные участки дополнительно обрабатывались тампонами стерильной гигроскопической ваты, увлажненными в дистиллированной воде. Подобным способом очищались и следы от клея на внутренних полях и корешках листов. После такой обработки увлажненные участки пергамента немедленно протирались досуха стерильной ватой.

Затем, убедившись в том, что ни чернила текста, ни красочный слой не дают растекания от увлажнения, мы приступили к расправлению пергамента.

В связи с тем, что пергамен был покороблен главным образом у корешка, необходимо было, прежде всего, придать эластичность внутренним полям листов. Для этой цели во всю их ширину (с обеих сторон) накладывалась полоска сухой фильтровальной бумаги, поверх нее, только на одну сторону листа, влажная фильтровальная бумага и калька; в таком виде внутреннее поле листа ставилось на три минуты под легкий пресс между плотными листами картона. Увлажнение придавало пергамену эластичность в корешке и позволяло начать осторожное растягивание пергамента пальцами. В дальнейшем такая же методика была применена ко всему листу, причем на миниатюры, заставки, заглавные буквы, золото и места, где имелось растекание чернил, сухая бумага накладывалась в два слоя. Для дальнейшего расправления листа рукописи эта операция в той же последовательности была проделана и в отношении оборотной стороны листа, без увеличения степени увлажнения, тем же самым увлажненным листом фильтровальной бумаги.

После расправления, пока еще в пергамене удерживалась некоторая влажность, реставрируемый лист немедленно укладывался на один час под пресс между сухими листами фильтровальной бумаги и картона. Эта операция повторялась несколько раз до полного высыхания и расправления пергамента.

И в последний раз лист ставился под пресс между сухими листами фильтровальной бумаги и картона, продезинфицированных 3% спиртовым раствором тимола, но теперь уже на 8—10 часов, в зависимости от толщины листа.

Утраченные части на листах рукописи заполнялись пергаменом. Наиболее крупные по величине разрывы также скреплялись полосками пергамента, а мелкие—прочной бумагой из текстильного волокна и микалентной длинноволокнистой хлопковой бумагой.

Проведенное наблюдение за состоянием реставрированных листов Остромирова евангелия в течение 1956 года и 5 месяцев 1957 года показало, что осыпание красок и золота на листах рукописи не наблюдается. Не наблюдается больше и деформация пергамента.